

ДИАЛЕКТЫ КЮРИНСКОГО НАРЕЧИЯ*

ЯРКИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Свое название диалект получил от названия бывш. яркинского магала (участка).

Топоним *яркIи маьгьал* 'яркинский магал' или *яркIар* 'яркинцы' трудно поддается расшифровке, ибо в этом диалекте и во всем лезгинском языке не сохранилось названия, которое по своей форме совпадало бы с данным словом или было бы близко к нему. Тем не менее, используя данные лезгинского и близкородственных ему языков, можно выдвинуть две гипотезы относительно генезиса названия *яркIар*.

Согласно первой гипотезе названия *яркIи маьгьале* и *яркIар* произошли от названия существовавшей некогда племенной группы. Слово *яркIар* распадается на три морфемы: *йар-*, *-кI-*, *-ар*. Первая морфема *йар-* по звуковому облику совпадает с многозначной основой *йар*, которая означает 'красный', 'краснота', 'весна', 'весенний', 'заря' (*ярал сувар* 'весенний праздник', первый день весны по старому летоисчислению). Вторичное, переносное значение слова *йар* — это 'возлюбленный', 'возлюбленная'. В интересующих нас словах эта основа означает, по всей вероятности, 'теплое, солнечное место', 'теплая сторона'. Конечный *-ар* в слове *яркIар* является аффиксом множественности.

Труднее поддается объяснению формант *-кI*. Возможно, здесь он выполнял функцию ныне непродуктивного лезгинского словообразующего аффикса с уменьшительно-ласкательным значением (ср. *сарар* 'зубы', но *сакIар* 'зубки', *тай* 'жеребенок', но *тайникI* 'маленький жеребенок', 'сосунок')¹.

Вторая версия сближает слово *яркIар* с табасаранским *йаркур* 'лес' общедагестанского корня (ср. авар. *рохь*, анд. *решу*, арч. *хвак*).

В лезгинском языке для выражения понятия 'лес' употреб-

* В данную работу не вошло описание одного из крупных диалектов этого наречия — гюнейского, так как некоторые материалы по нему уже опубликованы (см.: У. А. Мейланова. Краткая характеристика гюнейского диалекта. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. III. Махачкала, 1957); а полное исследование по нему предполагается издать отдельной книгой.

¹ В слове *тайникI* усложненный словообразующий аффикс *-никI*.

ляются два слова — *там* и *рукh*, второе имеет общий корень с названными выше словами этого же значения. Другие соседние народности (агулы, рутулы) яркинцев именуют *йиркhrар*, а табасаранцы словом *йаркурар* называют всех лезгин.

В слове *йаркур* 'лес' элемент *-й (-йа)* является застывшим и неизменяющимся показателем грамматического класса, *рукh > рк > >ркI* — корень, ибо в лезгинском языке имеется строго закономерный переход при изменении слова придыхательных смычных в конце односложных слов в смычно-гортанные (ср. *йакh > йакIар* 'мясо', *вакh > вакIар* 'свинья', *никh > никIер* 'нива'). Таким образом, топоним *йаркIар* означает 'леса', 'лесистые места'.

Это подтверждается тем, что вся территория яркинского участка вплоть до табасаранских земель простирается по лесистым склонам гор. Народные предания гласят, что в далеком прошлом эти места были покрыты дремучими лесами.

Яркинский участок занимал крайний северо-восток бывш. Кюринского округа. В эту территорию входили юго-восточная и центральная части бывш. Кутур-Кюринского наибства и южная часть бывш. Южно-Табасаранского наибства Кюринского округа², т. е. несколько десятков населенных пунктов. С востока граница яркинского участка шла по селениям Куркент, Нютюг, Зизик, Екендиль, Кварчаг, Чилик, Заза, Кашкент, Канцил. Самым восточным аулом, в котором говорили на лезгинском языке, П. К. Услар считал Иман-Куликент (Имаглы), или, по местному названию, Манкбулди хуьр. Жители этого небольшого селения в прошлом действительно говорили на лезгинском языке³, в настоящее же время они говорят исключительно на табасаранском языке. Далее, к северо-западу граница шла по селениям Ашага-Цинит, Архит, Куг, Тркал, Цлак. На западе в яркинский участок входили селения Орта-Захит, Юхари-Захит, Куркуркент, Ашага-Мака.

На юге граница яркинского участка проходила по селениям Макар, Хишит, Кахцуг, Ялцуг, Бигер. Мы очертили приблизительно границу бывш. яркинского участка. В яркинский участок входили и другие населенные пункты: Хутарг, Чухверкент, Кеан, Ивигар, Мехкергар, Цмур, Рухун, Векелар, Алкадар, Цнал, Фириг, Юхари-Цинит, Куракент, Юхари-Захит, Сардаркент, Асакент.

По настоящему административному делению все названные выше селения входят в Касумкентский и Хивский районы.

Граница распространения яркинского диалекта в основном совпадает с указанной административной границей бывш. яркин-

² «Историческая записка об управлении Кавказом», т. I. Тифлис, 1907, стр. 180—182.

См. «Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.», ч. VI. Дагестанская область. Тифлис, 1893.

ского участка. По имеющимся в настоящее время сведениям его можно разделить на две части — собственно яркинские говоры и говоры переходные между гюнейским и яркинским диалектами. К переходным следует отнести ялцугский говор селений Хипит, Ялцуг, Кеан, Мехкергар, Хутарг и Чухверкент, расположенных в центральной части яркинского магала. Сюда же мы относим речь селений Цмур, Векелар и Алкадар. Несмотря на то, что этот говор является переходным, он должен быть отнесен к яркинскому диалекту, ибо основные особенности его такие же, как в данном диалекте.

Речь остальных населенных пунктов входит в собственно яркинские говоры. В работе рассмотрены два собственно яркинских говора — нютюгский и цинитский.

Яркинский диалект до последнего времени оставался малоисследованным. Работа П. К. Услара основана на описании одного из говоров этого диалекта, который проф. Л. И. Жирков называет «северным говором»⁴. Говор этот в таком виде, как он описан Усларом, в современном яркинском диалекте отсутствует. В работе П. К. Услара часто наблюдается смешение форм гюнейского и яркинского диалектов, причем иногда сам автор замечает, что можно употреблять две формы. Однако это не всегда так. В яркинском диалекте строго разграничено употребление фрикативного *g*, аффикса множественного числа *эргатива -ру*, глагольных форм с гласными формативами *-е*, *-и* и т. д.

НЮТЮГСКИЙ ГОВОР

Нютюгский говор охватывает речь селений Куркент, Нютюг, Зизик, Екендил, Кварчаг, Кашкент и Чилик. В речи каждого селения встречаются отклонения от говора, но они настолько незначительны, что не могут служить лингвистическим основанием для выведения речи этого селения за пределы говора. Если какое-либо явление наблюдается не по всем населенным пунктам говора или имеет место в каком-либо отдельном пункте, это в работе специально оговаривается.

Фонетика

§ 1. Состав гласных. В нютюгском говоре та же система гласных фонем, что и в литературном языке: *а*, *у*, *уь*, *и*, *е*. Как и в литературном языке, в исконных словах говора нет гласного *о*. В заимствованных словах *о* употребляется параллельно с *у*: *калхоз* || *калхуз*, *римонт* || *римунт* и др. В нютюгском говоре нет фонемы *ы*. В словах, заимствованных из русского языка,

⁴ Л. И. Ж и р к о в. Грамматика лезгинского языка. Махачкала. 1941, стр. 13.

звук *ы* обычно заменяется звуком *и*: *пыль* 'пыль', *верховни* 'верховный'.

В говоре имеется звук *аь* — краткий и долгий. Долгий *аь* имеет фонематическое значение. Гласный *аь* — это средний между *а* и *э*, произносится с большим, чем при произношении последних, опусканием нижней челюсти и с гортанным оттенком.

По сравнению с другими диалектами звук *аь* в яркинском диалекте наиболее открытый и сильно фарингализованный. Встречается он очень часто как в односложных, так и в многосложных словах, а также в составе аффиксов падежей, множественного числа имен и т. д.

Приведем несколько примеров на употребление звука *аь* в данном говоре⁵: *хваьл* 'речушка', 'канава'; *гваькь* 'пот'; *баькхи* 'может быть', 'по-видимому'; *авваьл* 'раньше'; *раьгь* 'солнце'; *навьгваькь* 'напраслина', 'неправота'; *раькьгаьнава* 'послал'; *кьве-чхаьл* 'на ноге'; *авьна* 'выдержал', 'вынес', 'вытерпел'; *чхнаьл* 'на самих'; *кьийидаьлаьл гваьлиз* 'после того, как умер' и т. д.

В нютюгском говоре и во всем диалекте характер гласного *аь* явно ощущается в словах, где этот гласный находится в начале, середине и конце слов под ударением. Если сравнить нижеследующие слова с соответствующими словами гюнейского, то ясно ощущается фарингализованность яркинского *аь*, чего нет в гюнейском диалекте. Правда, на письме разница не видна, за исключением некоторой долготы гласного *аь* в последних трех яркинских словах.

Яркинский диалект	Гюнейский диалект	
<i>аьху^а</i> , <i>авьна</i>	<i>аьху^а</i>	'терпеть'
<i>аьл</i>	<i>аьл</i>	'народ'
<i>таваьм</i>	<i>тааьм</i>	'вкус'
<i>йаьна</i>	<i>йаьна</i>	'ударил'
<i>наьаьни</i>	<i>наьни</i>	'вечер' и др.

Наряду с гласным *аь* в некоторых населенных пунктах в редких случаях употребляется гласный, средний между *а* и *аь*, менее открытый, чем *аь*, и со слабым призвуком гласного *о*. Некоторая лабиальность этого гласного могла бы служить основанием для обозначения его сочетанием *о* и *ь*. Но мы не считаем целесообразным вводить в обиход знак, обозначающий чуждый лезгинскому языку и его диалектам звук, и этот смягченный и несколько лабиализованный *а* обозначаем знаком *а̣*.

Звук этот употребляется в некоторых селениях в словах перед смягченным *л* в соседстве с гласными переднего ряда: *саьлци тьху-*

⁵ Данный звук во всех случаях обозначается сочетанием *аь*. Фактические вариации его на письме не получили своего обозначения, а передаются лишь описательно.

вана 'поток унес', *ггвэл атана* 'вскипел' ('кипение пришло'), *пэл* 'лоб', *Къасум-хурьэл* 'в Касумкенте' и др.

Для вокализма нютюгского говора и всего яркинского диалекта, как и литературного лезгинского языка, характерны монофтонгизация дифтонга «гласный + *й*», назализация гласных, сингармонизм и т. д. Все это порождает множество комбинаторных вариантов гласных фонем. В яркинском диалекте имеется 15 гласных, из которых шесть фонем (*a, y, уь, и, e, аьаь*) и девять их вариантов.

Схематически гласные яркинского диалекта можно передать следующей таблицей.

Подъем	Ряд			
	Передний		Задний	
	Лабialsные	Нелабialsные	Лабialsные	Нелабialsные
Верхний	<i>уь</i>	<i>и</i>	<i>у</i>	—
	<i>уь^н</i>	<i>и^н</i>	<i>у^н</i>	—
Средний	—	<i>e (ə)</i>	—	—
	—	<i>e^н</i>	—	—
Нижний	—	<i>аь</i>	<i>ä</i>	<i>a</i>
	—	<i>аьаь</i>	—	<i>аа</i>
	—	<i>аь^н</i>	—	<i>а^н</i>

§ 2. Соответствия гласных. Соответствия между гласными нютюгского говора и литературного языка можно разделить на соответствия, носящие систематический характер, и соответствия несистематические, встречающиеся в ограниченном количестве слов и даже единичные.

Для данного говора, как и для всего яркинского диалекта, закономерно соответствие дифтонга *ей* (*эй*) говора долгому гласному заднего ряда *a* (<* ай) литературного языка. Соответствие между ними наблюдается как в глагольных формах, так и в именных, как в основах слов, так и в аффиксах. Дифтонг *ей* соответствует долгому *a* в глагольных формах.

Говор	Литер. яз.	
<i>хкидей</i>	<i>хкидаа</i>	'приносил'
<i>кхилигей</i>	<i>кхилигаа</i>	'посмотревший'
<i>аквадей</i>	<i>аквадаа</i>	'было видно', 'виделось'
<i>ражкурней</i>	<i>ражкурнаа</i>	'отослал'
<i>къеней</i>	<i>къенаа</i>	'умер'
<i>цIурурнавей</i>	<i>цIурурнааа</i>	'растопил'
<i>жедей</i>	<i>жедаа</i>	'было', 'было бы'

Многие из подобных форм в говоре, как и в литературном языке, выражают в зависимости от контекста или глагольное время, или причастие.

Соответствие между звуками *ей* и *аа* имеет место и в глагольных формах, образованных от прошедшей несовершенной формы глагола при помощи суффикса *-вал* со значением абстрагирования. Приводимые ниже глагольные формы в зависимости от контекста выступают и в роли отглагольных имен.

В глагольных формах:

<i>чидейвал</i>	<i>чидаавал</i>	'знание', 'так как (я) знаю', 'так как известно'
<i>ахчудейвал</i>	<i>ахчудаавал</i>	'заберет', 'так как заберет'
<i>недейвал</i>	<i>недаавал</i>	'съест', 'как ест'

В падежных формах:

<i>гIаждагьанривей</i>	<i>аждагьанриваа</i>	'от драконов'
<i>идавей</i>	<i>идаваа</i>	'от него'
<i>бадбаддивей</i>	<i>урдегдиваа</i>	'как утка'

В ряде имен существительных нютюгского говора *e* соответствует литературному *a*:

<i>тIахтеяр</i>	<i>тIахтаяр</i>	'доски'
<i>гIаджибугьдьяр</i>	<i>гьаджибугьдаяр</i>	'кукуруза'
<i>ггирвенкIа</i>	<i>гирванкIа</i>	'фунт'
<i>хъсе^н</i>	<i>хъса^н</i>	'хорошо', 'хороший'
<i>севдегар</i>	<i>савдагар</i>	'купец'
<i>бермекI</i>	<i>бармакI</i>	'папаха'
<i>хъвелъ</i>	<i>свас</i>	'невеста', 'невестка'
<i>кIендерей</i>	<i>кIендерагъ</i>	'жвачка', 'жевательная резина'
<i>пIертIелар</i>	<i>пIартIалар</i>	'одежда'
<i>гемии</i>	<i>гамии</i>	'буйвол'
<i>чIехер</i>	<i>чIахар</i>	'полба'
<i>пIейлива^н</i>	<i>пIагьлива^н</i>	'акробат', 'богатырь'

Имеются соответствия и обратного порядка — звука *a* говора звуку *e* литературного языка. Это наблюдается только в основе отдельных имен и глаголов в ударном и предударном положении:

<i>яд кIчана</i>	<i>яд кIчэна</i>	'брызнул водой'
<i>гьаракатIна</i>	<i>гьерэкатIна</i>	'торопится'
<i>акъуIна</i>	<i>экъэIна</i>	'вышел', 'выросло'

<i>тһка^н</i>	<i>тһуькве^н</i>	‘лавка’, ‘магазин’
<i>кьалá ягьу^н</i>	<i>кьелé ягьу^н</i>	‘лудить’
<i>мирáсар</i>	<i>мирéсар</i>	‘родня’, ‘дальние родственники’
<i>марáр</i>	<i>мерéар, мере</i>	‘ежевика’
<i>чГимáрпипи</i>	<i>чГимéарпипи</i>	‘дождливая, пасмурная погода’ (эрг. пад.)
<i>зурна́</i>	<i>зурнé</i>	‘зурна’

Как уже отмечалось, в нютюгском говоре имеется звук *аь* — общий вариант фонем *а* и *э*, отличный от подобного звука гюнейского диалекта более открытым характером и наличием сильного гортанного оттенка. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что за звуком *аь* нередко следовал гортанный звонкий щелевой согласный *гГ*, который в подавляющем большинстве случаев отпал, оставив после себя лишь гортанный призывок в соседнем гласном *аь* (см. «Нарашение согласных»).

Звук *аь* в нютюгском говоре встречается очень часто как в односложных, так и в многосложных словах, в падежных аффиксах и в отдельных случаях в аффиксах множественного числа имен. Часто он употребляется в односложных словах перед латеральным *л*, смычно-гортанными и заднеязычными лабиализованными *гьв*, *гьв* и соответствует звукам *е* и *а* литературного языка:

<i>спаьл</i>	<i>спел</i>	‘ус’
<i>хьваьхь</i>	<i>хьвехь</i>	‘щека’
<i>ваькь</i>	<i>векь</i>	‘трава’, ‘сено’
<i>хьаьл</i>	<i>хьел</i>	‘гнев’
<i>наьхв</i>	<i>нехв</i>	‘полба’
<i>кГвечнаьл</i>	<i>кГвечнел</i>	‘на ноги’, ‘на ногах’
<i>пГираь^н там</i>	<i>пГире^н там</i>	‘лес святого’, ‘его имени’, ‘ему принадлежащий’
<i>мецаьлди</i>	<i>мецелди</i>	‘мирно’, ‘языком’

Соответствие звука *аь* звуку *а* литературного языка имеет место в основах как односложных, так и многосложных слов, а также в отдельных падежных аффиксах, преимущественно перед звуками *л*, *хь*, *гь*, *кь*:

<i>кваьл</i>	<i>цвал</i>	‘шов’
<i>маьфе</i>	<i>мафе</i>	‘катафалк’
<i>тһаьдиз</i>	<i>тһадиз</i>	‘быстро’, ‘скоро’
<i>кһитаьб</i>	<i>кһитаб</i>	‘книга’
<i>изаькьда</i>	<i>азаькьда</i>	‘достигнет’, ‘доедет’
<i>раьжкьнава</i>	<i>ражканава</i>	‘отослал’

Для исследуемого говора, как и для гюнейского диалекта, характерна монофтонгизация нисходящего дифтонга *аьй* в аффиксе исходного IV падежа со значением движения из чего-либо: *КГвелаьб хьшана* ‘Ушел из дома’; *Ам чһи хуьраьб хтана* ‘Он вернулся из нашего селения’ и др.

В отличие от литературного языка в нютюгском говоре долгий *аь* употребляется в аффиксе и всех других исходных падежей:

<i>тһехилрукһаьб</i>	<i>тһахилрукһаа</i>	‘от посевов’, ‘от хлеба’
<i>патахьаьб</i>	<i>патахьаа</i>	‘со стороны’
<i>пһейгьамбарди-кһаьб</i>	<i>пһейгьамбарди-кһаа</i>	‘от пророка’
<i>чиликһаьб</i>	<i>чиликһаа</i>	‘из-под земли’

В отдельных словах говора, как правило, в словах с гласным переднего ряда *и* в позиции перед латеральным *л* появляется *й*, несколько смягченный, но более твердый, чем фарингализованный *аь*. Этот гласный соответствует литературным *е* и *а*:

	<i>й — е</i>	
<i>изаьл зама^нда</i>	<i>эвел зама^нда</i>	‘раньше’, ‘прежде’
<i>кГяьл, кГяьлу^н</i>	<i>кГел, кГелу^н</i>	‘барашек’, ‘учение’, ‘чтение’
<i>кГяьлнавайди я</i>	<i>кГелнавади я</i>	‘ученый’, ‘образованный’
<i>пяьл</i>	<i>пел</i>	‘лоб’
<i>саьл</i>	<i>сел</i>	‘ливень’
<i>вичяьл</i>	<i>вичнел</i>	‘на себе’
<i>Кьасум-хуьраьл</i>	<i>Кьасум-хуьрел</i>	‘в Касумкенте’
<i>кимяьл</i>	<i>кимел</i>	‘на очаре’
<i>вацГу^н кьеряьл</i>	<i>вацГу^н кьерел</i>	‘на берегу реки’
<i>няьл?</i>	<i>нел?</i>	‘на ком?’

	<i>й — а</i>	
<i>гьваьл атана</i>	<i>звал атана</i>	‘вскинул’
<i>гьхьаьл</i>	<i>хвал</i>	‘канавка’, ‘речушка’

В начале и середине некоторых многосложных имен, наречий и местоимений говора в позиции перед сонорными *н* и *р* гласный заднего ряда *а* соответствует гласному переднего ряда *и* литературного языка:

<i>а^нджулар</i>	<i>и^нжилар</i>	‘инжир’
<i>насу</i>	<i>ниси</i>	‘сыр’
<i>чһанаба</i>	<i>чһинеба</i>	‘тайком’, ‘тайно’
<i>шашал</i>	<i>шишел</i>	‘мешок’
<i>чГизьлитГар</i>	<i>чГаалитГар</i>	‘куропатки’

вари}	вири	‘все’
вири}	вини	‘тот верхний’
вани	винел	‘наверху’
ванаъл		

В одном лишь слове *иггаъла*, *иггаълу*^н (литер. *агалу*^н) ‘закрывать’ обнаружено обратное соответствие: звука *и* звуку *а*.

Гласному переднего ряда *и* литературного языка в говоре соответствует гласный заднего ряда *у* в аффиксах и основах слов, что является одной из характерных особенностей данного говора.

Это наблюдается в следующих формах.

1. В аффиксах всех имен и наречий и в формах эргативного и косвенных падежей множественного числа:

<i>малару</i>	<i>малари</i>	‘скот’ (эрг. пад.)
<i>ичъеру</i> ^н	<i>ичъери</i> ^н	‘яблоки’ (род. пад.)
<i>лезгийру</i>	<i>лезгийри</i>	‘лезгинь’ (эрг. пад.)
<i>халкъаруз</i>	<i>халкъариз</i>	‘народам’
<i>пупару</i>	<i>папари</i>	‘женщины’ (эрг. пад.)
<i>ситъхайрухъ</i>	<i>стъхаарихъ</i>	‘за братьями’
<i>къазаруз</i>	<i>къазариз</i>	‘гусям’
<i>аварруз</i>	<i>аварриз</i>	‘аварцам’

2. В названиях местностей и народов в форме эргативного и косвенных падежей единственного и множественного числа:

<i>зизикъру</i>	<i>зизикъри</i>	‘зизикцы’ (эрг. пад.)
<i>Къварчагъуз</i>	<i>Къварчагъиз</i>	‘в Кварчаг’

3. В аффиксах косвенных падежей слов, употребляющихся только в форме множественного числа, и в некоторых других словах:

<i>гутъфаруз</i>	<i>гатъфариз</i>	‘летом’
<i>пъурару</i> ^н	<i>пъурари</i> ^н	‘седло’ (род. пад.)
<i>мехъерукъ</i>	<i>мехъерикъ</i>	‘на свадьбу’
<i>гъавуз</i>	<i>гъавиз</i>	‘бассейн’
<i>насу</i>	<i>ниси</i>	‘сыр’
<i>луф</i>	<i>лиф</i>	‘голубь’

Следует заметить, что название какой-либо местности в формах косвенных падежей множественного числа может употребляться в значении названия жителей или выходцев из этой местности.

В отдельных случаях перед глухим спирантом *ш* и аффриктой *дж* встречается соответствие звука *и* говора звуку *у* литературного языка:

<i>бишкъаб</i>	<i>бушкъаб</i>	‘посуда’, ‘тарелка’
<i>эбигерде</i> ^н	<i>абугерде</i> ^н	‘шумовка’
<i>фалиджди ягъу</i> ^н	<i>фалуджди ягъу</i> ^н	‘быть парализованным’
<i>билишка</i> ^н	<i>булушка</i>	‘платье’

Звук *у* говора соответствует звуку *а* литературного языка в начале и середине некоторых многосложных имен и глаголов:

<i>ухвар</i>	<i>ахвар</i>	‘сон’
<i>угъуз я</i>	<i>агъуз я</i>	‘низко’, ‘слабо’
<i>укуртIа</i>	<i>акуртIа</i>	‘если увидит’
<i>укъучIна</i>	<i>акъучIна</i>	‘вышел’, ‘вырос’
<i>экъучIна</i>	<i>экъечIна</i>	
<i>къулуриа</i>	<i>къалуриа</i>	‘показал’
<i>гъуб</i>	<i>гъаб</i>	‘гореть’
<i>къучну</i>	<i>къачну</i>	‘возьми’
<i>рукъурнавей</i>	<i>ракъурнаваа</i>	‘был послан’, ‘посланный’
<i>къунъу</i>	<i>къанъу</i>	‘ворота’

В отдельных случаях имеют место и обратные соответствия— звука *а* говора звуку *у* литературного языка:

<i>макал</i>	<i>мукал</i>	‘серп’
<i>къаркъалуф</i>	<i>къаркъулуф</i>	‘летучая мышь’
<i>тIуша^нда</i>	<i>тIушу^нда</i>	‘мнет’
<i>гулукъначъ</i>	<i>галукъначъ</i>	‘не попал’
<i>гатIа^ндейди туи</i>	<i>гатIу^ндаади туи</i>	‘не подходит’, ‘не приближается’
<i>аса^нзава</i>	<i>асу^нзава</i>	‘обмазывает’

В целом ряде слов после заднеязычных согласных *г*, *к*, *кI* гласный переднего ряда *у* соответствует литературному *у*:

<i>гуър</i>	<i>зур</i>	‘половина’
<i>гуълуз</i>	<i>зулуз</i>	‘осенью’
<i>эгуъриз</i>	<i>йзуъриз</i>	‘трясти’
<i>кIуъру^н</i>	<i>цIуру^н</i>	‘таять’
<i>кIуъру^н</i>	<i>къуру^н</i>	‘сохнуть’
<i>гуърер</i>	<i>зурар</i>	‘сушеные фрукты’ (половинки)
<i>гуъгъри</i>	<i>зугъри</i>	‘персик’
<i>куър</i>	<i>цур</i>	‘хлев’, ‘срай’

Гласный *уь* говора может соответствовать и гласному *и* литературного языка в начале некоторых слов и в большинстве случаев после заднеязычных *г* и *хь*.

<i>уьр</i> }		
<i>гьуь</i> }	<i>вир</i>	‘озеро’
<i>уьхъена</i>	<i>ифена</i>	‘нагрелся’, ‘согрелся’
<i>хьуьд</i>	<i>фид</i>	‘навоз’
<i>гуьрба</i>	<i>зирба</i>	‘мера сыпучих тел’
<i>дербе^ттнгуь</i>	<i>дербе^ттнви</i>	‘дербентец’
<i>уьхверар</i>	<i>иферар</i>	‘тмин’
<i>хьуьцакь</i>	<i>фицакь</i>	‘третьего дня’
<i>суьнуь</i>	<i>сини</i>	‘медное блюдо’

В одном лишь слове *тIина*, *тIи^т* ‘купать’ по всему говору звуку *уь* соответствует *и*. В Куркенте с *и* произносят слово *мигътедж хьу^т* ‘нуждаться’ (литер. *мигътедж хьу^т*).

Гласный переднего ряда *и* говора в целом ряде имен и глаголов соответствует гласному того же ряда *е* литературного языка:

<i>мишреб</i>	<i>мешреб</i>	‘приятная наружность’
<i>пипе</i>	<i>пепе</i>	‘жук’
<i>ивич^ту^т</i>	<i>эвич^ту^т</i>	‘спускаться’
<i>дири^твал</i>	<i>дери^твал</i>	‘глубина’
<i>кIизри</i>	<i>кIезри</i>	‘мелкая рыба’
<i>мийит^т</i>	<i>мейит^т</i>	‘труп’
<i>иверда</i>	<i>эверда</i>	‘позовет’
<i>вигьена</i>	<i>вегьена</i>	‘бросил’, ‘кинул’
<i>кьийибур</i>	<i>кьейибур</i>	‘умершие’

Во многих словах имеет место и обратное соответствие — звука *е* говора звуку *и* литературного языка:

<i>гетIе</i>	<i>гитIе</i>	‘крынка’
<i>джегъезар</i>	<i>жигъизар</i>	‘приданое’
<i>кьепIерган</i> (Ква р)	<i>кьепIурбан</i>	‘юла’
<i>чIемерук^т</i>	<i>чIемерук^т</i>	‘лук’ (для стрельбы)
<i>межек^т</i>	<i>мижек^т</i>	‘гвоздика’

В отдельных случаях гласные *уь* и *а* говора соответствуют восходящим дифтонгам *йи* и *йу* литературного языка. Такое соответствие имеет место исключительно в начальной позиции слова:

	<i>уь — йу</i> и <i>йи</i>	
<i>уьгуь^т</i>	<i>йузу^т</i>	‘шевелиться’
<i>уьхьуьз</i>	<i>йифиз</i>	‘ночью’

а — йу

<i>агана, агу^т</i>	<i>йугу^т</i>	‘варить’, ‘сварилось’
<i>йугу^т</i>	<i>ругу^т</i>	‘днем’
<i>акъуз</i>	<i>йукъуз</i>	

§ 3. О звуке *о*. В нютюгском говоре, как и во всем яркинском диалекте, нет гласного *о*. На его месте в заимствованных словах как правило употребляется гласный *у*, реже гласный *а*. Звуком *у* заменяется гласный *о* даже в тех случаях, когда *о* является ударным: *Калхъздинни калхъзник^три^т малар я* ‘Это скот колхоза и колхозников’, *Гъахъти зак^тхънар изигнавей ха^тлару, беглеру* ‘Такие законы были установлены ханами и беками’, *Ам мангъу^тлари авурди ялдей* ‘Говорят, что его соорудили монголы’ (речь идет о минарете); *дахът* ‘доход’, *райу^т* ‘район’, *риму^тт* ‘ремонт’, *ка^ттурар* ‘конторы’. Эти же слова многие владеющие русским языком произносят и с *о*.

Звук *о* в конце слова произносится более или менее чисто, нередко несколько растянуто и с призвуком губно-губного *в*, что создает акустическое впечатление дифтонга *ов* (*оу*): *кино* или *кино(в)*; *кило* или *кило(в)*. К нему близок по произношению комплекс *ав* в конце лезгинских слов: *ч/улав* ‘черный’, *къав* ‘потолок’.

В подобных случаях можно говорить о зарождении звука *о*.

§ 4. Ударение и долгота. Ударение в говоре, как и в лезгинском языке, силовое и позиционно связанное; оно падает на второй от начала слог.

Однако здесь наблюдается некоторое расхождение в ударении отдельных слов по сравнению с теми же словами литературного языка. Некоторые слова, в литературном языке не подчиняющиеся закону ударения, в нютюгском говоре имеют ударение, соответствующее нормам лезгинского языка. К ним можно отнести такие слова, как *гем^тиш* ‘буйвол’, *шегъ^тер* ‘город’ и др., которые в литературном языке произносятся с ударением на первом слоге. Такое подчинение закону лезгинского ударения в говоре наблюдаем и в целом ряде заимствованных из русского языка слов, которые имели ударение не на втором слоге: *килмет^три* ‘километр’, *гумра^т* ‘номер’, *парах^туд* ‘пароход’, *пхам^тадур*, *кхам^тадур* ‘помидор’, *сам^тах^тудни* ‘самоходный’ (комбайн) и т. д.

Этого нельзя сказать обо всех заимствованных словах. Так, слова *барбатI хьун* ‘уничтожить’, ‘портить’, ‘разрушать’, *р^тд^тник*, *р^ттге^т* произносятся с ударением на первом слоге, хотя в литературном языке они имеют ударение на втором.

В лезгинском языке имеется противопоставление долгих и кратких гласных, таких, как *а* и *аа*, *аь* и *аьаь*. Причинами появления долготы является монофтонгизация дифтонга в конце некоторых надежных и в середине некоторых глагольных форм, а также выпадение в них некоторых согласных, как: *гъ*, *гь*, *н* и др. Долгота,

как правило, совпадает с ударением: *гъульабъ* 'змея' (от *гъульабъгъ*) *пхааливаа* 'богатырь' (от *пхагълива**).

В нютюгском говоре обнаруживаются несколько слов, в которых долгота не является следствием выпадения согласного и не совпадает с ударением. Во всех населенных пунктах данного говора следующие слова произносятся с долготой на первом гласном в слове и с ударением на втором:

<i>заапън</i>	<i>запу</i> ^н (по Усла- ру — <i>заьпун</i>)	'мыло'
<i>ваарй</i>	<i>вири</i>	'все'
<i>пхаачъагъ</i>	<i>пхачъагъ</i>	'царь'
<i>пIишпIиш</i> , <i>пIиш-</i>	<i>пIапIиш</i>	'жаворонок', 'жаворонки'
<i>пIишар</i>		

Если долгие гласные в форме исходного IV падежа и различных времен условного наклонения, возникшие в результате выпадения *й*, имеют смысловозначительное значение, то долгота гласных, являющаяся следствием выпадения согласных *гъ*, *гъ*, в других формах такого фонематического значения не имеет. То же можно сказать о долгих гласных *а*, *и* в названных словах. Их долгота также фонематического значения не имеет. Чем же объясняется долгое произношение предударных гласных в этих словах, одни из которых являются исконными, а другие заимствованными? Долгое произношение гласных в данных словах — индивидуальная особенность говорящих, что в свою очередь рождено тенденцией полногласия, характерной для нютюгского говора и всего яркинского диалекта.

§ 5. А с с и м и л я ц и я г л а с н ы х. В нютюгском говоре наблюдается полная и частичная, прогрессивная и регрессивная ассимиляция гласных.

Прежде всего следует отметить полную регрессивную ассимиляцию гласным *у* гласного *а* в некоторых глагольных и именных формах.

Говор	Литер. яз.	
<i>укуртIа</i>	<i>акуртIа</i>	'если увидит'
<i>гулукъначъ</i>	<i>галукъначъ</i>	'не попало'
<i>къалурда</i>	<i>къалурда</i>	'покажет'
<i>къучиу</i> , <i>къучиу</i> ^н	<i>къачиу</i> , <i>къачиу</i> ^н	'бери', 'брать'
<i>рукъурнавей</i>	<i>ракъурнаваа</i>	'послал', 'посланный'
<i>угъуз я</i>	<i>агъуз я</i>	'низко', 'невысоко'
<i>Букъудиз</i>	<i>Бакъудиз</i>	'в Баку'
<i>бурутъ</i>	<i>барутъ</i>	'порох'

В целом ряде слов говора гласный переднего ряда *и* ассимилирует гласные *е* (*э*) (полная ассимиляция) и гласные *у* и *а* (частичная ассимиляция).

Полная ассимиляция:

<i>иски</i>	<i>эски</i>	'старый'
<i>къийибур</i>	<i>къейибур</i>	'умершие'

Частичная ассимиляция:

<i>гъгърияр</i>	<i>гугърияр</i>	'персики'
<i>маньяр</i>	<i>маньяр</i>	'песни'
<i>лагъей</i>	<i>лагъай</i>	'сказанный', 'сказал'

В последнем слове гласный *а* в аффиксе прошедшего времени и причастия по закону звукового соответствия *а—е* (см. раздел «Глагол») переходит в *е*, который в свою очередь воздействует на гласный основы *а* и уподобляет его себе. Однако этот глагол встречается и в форме *лагъей*, подобно глаголам *авей*, *алей* и т. д.

В отдельных словах гласный заднего ряда *а* может ассимилировать гласный заднего ряда *у* и гласный переднего ряда *е*:

<i>Растам</i>	<i>Рустам</i>	'Рустам'
<i>гъаракатъа</i>	<i>гъерекатъа</i>	'торопись'

Гораздо реже, чем регрессивная ассимиляция, встречаются случаи прогрессивной ассимиляции. Так, гласный переднего ряда *е* ассимилирует полностью гласный *а*:

<i>къендерей</i>	<i>къендерагъ</i>	'жевательная резина'
<i>ветъегейра</i>	<i>ветъегаара</i>	'на промыслах'

Встречаются и единичные случаи прогрессивно-регрессивной ассимиляции, когда какой-либо гласный в окружении двух одинаковых гласных уподобляется этим гласным. Как примеры можно привести слова *гатIа*да* 'подходит' (литер. *гатIу*да*), *тIушу*да* 'мнет' (литер. *тIушу*да*).

Из изложенного видно, что в результате ассимиляции гласных возникает гармония гласных, иными словами, все гласные слова или ассимилируются полностью или становятся гласными одного и того же ряда. Это обстоятельство позволяет считать ассимиляцию гласных частным случаем гармонии гласных.

§ 6. Д и с с и м и л я ц и я г л а с н ы х. Диссимиляцию, или расподобление, гласных можно считать своего рода нарушением гармонии гласных, что также имеет место как в нютюгском, так и других говорах яркинского диалекта. Диссимиляции могут подвергаться все гласные; а что же касается ее характера, то в

говоре больше встречаются факты регрессивной диссимиляции.

Так, в отдельных именных и глагольных формах диссимиляции подвергается гласный переднего ряда *e*:

<i>шкхер</i>	<i>шекхер</i>	‘сахар’
<i>нипе</i>	<i>непе</i>	‘жук’
<i>нише</i>	<i>неше</i>	‘ремесло’, ‘профессия’
<i>икхе, икхеди</i>	<i>екхе, екхеди</i>	‘большой’, ‘велик’
<i>вигьена</i>	<i>вегьена</i>	‘бросил’, ‘кинул’
<i>иверда</i>	<i>эверда</i>	‘позовет’

В словах *гьвачи* ‘маленький’ (литер. *гьвечи*) и *вани* ‘топ верхний’ (литер. *вини*) также подвергаются диссимиляции гласные переднего ряда *e* и *i*.

В ряде имен диссимилируется гласный заднего ряда *a*, переходя в гласный заднего ряда *y*:

<i>гумхфар</i>	<i>гатхфар</i>	‘весна’
<i>ухвар</i>	<i>ахвар</i>	‘сон’
<i>бунгах</i>	<i>бангах</i>	‘шапка’, ‘панаха’

Гораздо реже встречаются случаи регрессивной дистанционной диссимиляции. Так, диссимилируются гласные *e* и *a*: *мирас* ‘родственник’ — *мирес*, *чицIах* ‘лук’ — *чицIех*, *гIаджи-бугьдьяр* ‘кукуруза’ — *гьаджибугьдьяр*, *тIахтеяр* ‘доски’ — *тIахтеяр*.

§ 7. Отклонение в назализации. Назализация гласных заключается в том, что согласный *n* на конце слова или слога ослабляется и исчезает, оставляя носовой оттенок в предыдущем гласном. Назализоваться могут все гласные. Это одна из основных фонетических особенностей лезгинского литературного языка. Что касается других диалектов, то назализация гласных без заметных отклонений наблюдается в диалектах докузпаринском, ахтынском и кубинском.

В яркинском и следующем курахском диалектах вырисовывается несколько иная картина.

Во многих словах нютюгского говора сонант *n* отпадает бесследно или оставляет после себя едва уловимый носовой оттенок в тех положениях, в которых обычно должна была бы происходить полная назализация гласного.

Так, цитатная частица *кьван* ‘оказывается’, ‘мол’, ‘как’ произносится без конечного *n*, причем предшествующий гласный *a* не получает носового оттенка.

Так же и прилагательные типа *икьван* ‘столько’, *гьикьван* ‘сколько’ произносятся без конечного *n* и с очень кратким конечным *a*: *кьва*, *икьва*, *гьикьва*.

Кроме того, без конечного *n* и без назализации предшествующего гласного произносятся в говоре еще ряд слов:

<i>пIааливаа</i>	<i>пагьливаⁿ</i>	‘богатырь’, ‘акробат’
<i>гIаждагьаа</i>	<i>аждагьаⁿ</i>	‘дракон’
<i>кIаа хьана</i>	<i>кIаⁿ хьана</i>	‘полюбил’
<i>ваа</i>	<i>ваⁿ</i>	‘звук’
<i>балкIаа</i>	<i>балкIаⁿ</i>	‘лошадь’
<i>чаа, чаа бала</i>	<i>чаⁿ, чаⁿ бала</i>	‘милый’, ‘душа’, ‘милое дитя’

В с. Кварчаг литературное *саⁿдух* ‘сундук’ имеет форму *саадух*, а в селениях Куркент, Кварчаг и Зизик литературное *кьулаⁿди* ‘средний’ имеет форму *кьулаади*.

Во всех этих примерах мы видим ослабление назализации гласного *a* на конце слов до полной ее утраты в произношении отдельных лиц. Но *a* в этих словах становится несколько долгим и более открытым. Таким образом, теряя назализацию, гласный *a* в данных примерах приобретает некоторую долготу. Иногда *n* выпадает в середине слова:

<i>кIаада</i>	<i>кIаⁿда</i>	‘хочет’, ‘любит’
<i>айваадикх</i>	<i>айваⁿдикх</i>	‘на балконе’, ‘под балконом’
<i>лааш</i>	<i>лаⁿш, лаш</i>	‘налка’
<i>рааг</i>	<i>раⁿг</i>	‘краска’

Несмотря на то, что приведенные слова в ряде селений факультативно употребляются и с назализацией, интересен именно факт утраты или отсутствия назализации в отдельных словах как явление нехарактерное для диалектов самурского типа. Тенденцией к деназализации объясняется та особенность нютюгского говора и всего яркинского диалекта, что конечный *n* в именах собственных и в некоторых других словах, оканчивающихся на *n*, отпадает (см. «Выпадение согласных»).

§ 8. О полугласном *й*. Как известно, полугласный *й* входит как компонент в форматив исходных падежей имен и наречий, в формы давнопрошедшего и других времен, в повелительное-желательное наклонение, в причастные формы, встречается в середине и на конце слов. Но как в лезгинском литературном языке, так и в некоторых диалектах (в том числе в гюнейском) имеет место явление монофтонгизации дифтонгов *ай*, *ий*, *ей*, *авь*, заключающееся в том, что звук *й* в речи отпадает и за счет этого отпадения появляется долгота в предыдущем гласном. Однако в нютюгском говоре полугласный *й* во всех вышеназванных формах не всегда отпадает.

Звук *й* произносится ясно, когда он в соседстве с гласным переднего ряда (*ей, ий*), а в отдельных, преимущественно именных формах — и в соседстве с гласным заднего ряда (*ай*):

<i>байкъуи</i>	<i>баакъуи</i>	‘филин’
<i>амайбур</i>	<i>амаабур</i>	‘остальные’
<i>цГай</i>	<i>цГаа</i>	‘огонь’
<i>чхай</i>	<i>чхаа</i>	‘чай’
<i>гъарай</i>	<i>гъараа</i>	‘крик’
<i>жхай некъ</i>	<i>жхаа некъ</i>	‘кислое молоко’

Полугласный *й* четко произносится в отдельных словах в форме исходных падежей (подробно см. главу «Склонение имени») и в формах косвенных падежей множественного числа слов, оканчивающихся на гласный звук:

<i>нежберрувей</i>	<i>лежберриваа</i>	‘от крестьян’
<i>дагъдей</i>	<i>дагъдаа</i>	‘с горы’
<i>уьруькней</i>	<i>вирикхаа</i>	‘из озера’
<i>патахъей</i>	<i>патахъаа</i>	‘со стороны’
<i>патахъай</i>		
<i>гъебейра</i>	<i>гъебеера</i>	‘в переметной сумке’
<i>къазмайрал</i>	<i>къазмаарал</i>	‘на хуторе’
<i>арайрай</i>	<i>араараа</i>	‘с середины’, ‘с рядов’

§ 9. Чередование гласных. Как правило в нютюгском говоре чередуются гласные, одинаковые по месту образования.

Очень частым является чередование гласного *аь* с гласными этого же ряда *и* и *е*: *хъаьл* ‘гнев’ | *хъилер* (мн. ч.); *хъал* ‘ветка’, ‘рукав’ | *хилер* (мн. ч.); *раьхъ* ‘дорога’ | *рекъер* (мн. ч.); *маьл* ‘помочи’ | *мелер* (мн. ч.); *гъаьл* ‘сани’ | *гъелерар* (мн. ч.).

В ряде слов при их изменении гласный *е* чередуется с гласным этого же ряда *и*: *мед* ‘мед фруктовый’ | *митиз* (дат. пад.); *пеш* ‘лист растения’ | *бишер* (мн. ч.); *медз* ‘язык’ (анат.) | *мици* (эрг. пад.).

В отдельных словах чередуются гласные переднего ряда *е* с *уь*: *хъвехъ* ‘невеста’ | *хъуьхъвер* (мн. ч.); *мекъв* ‘пригоршня’ | *муьк-нъе* (мест. IV пад.). В этих словах переход нелабиального *е* в лабиальный *уь* является результатом соседства лабиализованных *хъв* и *кнъ*.

В отдельных словах чередуются гласные заднего ряда, например, гласный *а* с гласным *у*: *паб* ‘женщина’, ‘жена’ | *пупар* (мн. ч.); *ггад* ‘лето’ | *ггутуь* | *кутуь* (род. пад.); *къвакъва* ‘терн’ | *къукъвад вал* ‘терновый куст’ (род. пад.).

Однако в отдельных случаях гласные заднего ряда могут чередоваться с гласными переднего ряда. В словах типа *кГаа* ‘дно’ |

кГиникъ ‘под’, *кацъ* ‘конка’ | *гцици* (эрг. пад.) *а* чередуется с *и*; в словах *кГвал* | ‘комната’, ‘дом’ | *кГвеле* (мест. IV пад.), *кГвачъ* ‘нога’ | *кГвечер* (мн. ч.), *ветнега* ‘промыслы’ | *ветнегейру* (мн. ч. эрг. пад.) *а* чередуется с *е*.

Как можно заметить, чередование гласных ведет к гармонии гласных.

§ 10. Полногласие и наращение гласных. В исследуемом говоре наблюдается сохранение гласных в целом ряде именных и глагольных форм там, где они в литературном языке выпадают. Полногласие имеет место в косвенных падежах множественного числа многосложных имен, например:

<i>аяларуз</i>	<i>аялриз</i>	‘детям’
<i>арабаруь</i>	<i>арабриь</i>	‘арабский’ (род. пад.)
<i>гадаару</i>	<i>гадаари</i>	‘мальчики’, ‘юноши’ (эрг. пад.)
<i>микътабаруз</i>	<i>мекътебриз</i>	‘в школы’
<i>итимару</i>	<i>итимри</i>	‘мужчины’ (эрг. пад.)
<i>куьлуьтхарал</i>	<i>гуьлуьтхарал</i>	‘на чулках’

То же и в ряде местоименных форм множественного числа:

<i>гъанара</i>	<i>гъанра</i>	‘там’
<i>анаруз</i>	<i>анриз</i>	‘туда’
<i>абуруз</i>	<i>абруз</i>	‘им’
<i>ибуру</i>	<i>ибру</i>	‘эти’ (эрг. пад.)
<i>муькхуьбурузни</i>	<i>муькхуьбрузни</i>	‘и другим’
<i>чиьбуру</i>	<i>чиьбру</i>	‘наши’ (эрг. пад.)

Тенденция к полногласию ведет к тому, что отдельные заимствованные из русского языка слова получают иную огласовку: *киншика* ‘книжка’; *пириказ* ‘приказ’; *ашкафра*, *шкафра* ‘в шкафах’; *устул* ‘стул’ и др.

Впрочем, заимствованные слова подвергаются почти таким же изменениям и в литературном диалекте.

Полногласие проявляется в глагольных формах. Так, при слиянии вспомогательных глаголов *ава* ‘есть’, *ама* ‘имеется’ со знаменательным глаголом в литературном языке отпадает начальный гласный вспомогательного глагола, а в нютюгском говоре этот гласный сохраняется:

<i>амазама</i>	<i>амазма</i>	‘есть еще’, ‘остается еще’
<i>авазава</i>	<i>авазва</i>	‘есть’, ‘находится’
<i>физава</i>	<i>физва</i>	‘идет’
<i>ийзава</i>	<i>ийизва</i>	‘делает’

Анара къве начганикъ хъанава ‘Там объявилось два начальника’;
Мекхуь къве улдаш амазама рекъе ‘Те два товарища все еще в пути’.

То же наблюдается и в ряде иных глагольных форм:

<i>атІанавачһни?</i>	<i>атІанвачһни?</i>	‘не порезал ли?’
<i>дахъанавей</i>	<i>дахъанваа</i>	‘не происшедший’
<i>станавачһ</i>	<i>станвачһ</i>	‘не возвратился’
<i>атанава</i>	<i>атанва</i>	‘пришел’
<i>акунва</i>	<i>акунва</i>	‘увидел’
<i>къарагъару^н</i>	<i>къарагъру^н</i>	‘поднять’
<i>ацукъару^н</i>	<i>ацукъру^н</i>	‘посадить’
<i>элифару^н</i>	<i>элифру^н</i>	‘принять в гости’

В связи с полногласием следует сказать несколько слов о наращении гласных. Явление наращенния гласных как частный случай полногласия вообще характерно для нютюгского говора в отличие от литературного языка, где полногласие совсем не имеет места, а наращение гласных встречается очень редко, буквально в нескольких словах.

Многие из приведенных на полногласие примеров встречаются в таком же виде и в материалах П. К. Услара, хотя он на характеристике этого явления не останавливается. У него обнаруживаем также ряд слов с наращенным по сравнению с современным литературным языком гласным:

<i>гизаф</i>	<i>гзаф</i>	‘много’
<i>ситһха</i>	<i>стһха</i>	‘брат’
<i>кһитаб</i>	<i>кһитаб</i>	‘книга’
<i>хъисе^н</i>	<i>хъса^н</i>	‘хорошо’, ‘хороший’
<i>сипаьл</i>	<i>спаьл</i>	‘ус’
<i>ситІал</i>	<i>стІал</i>	‘капля’
<i>тһуьфе^нг</i>	<i>тһфе^нг</i>	‘ружье’
<i>хици</i>	<i>хици</i>	‘острый’

Приведенные формы обнаруживаются и в исследуемом говоре. Кроме того, в нем встречаются протетические гласные *а*, *и*, *уь*:

<i>асуху^н</i>	<i>суху^н</i>	‘вонзить’
<i>ацаьл, цаьл</i>	<i>цел</i>	‘на воде’, ‘по воде’
<i>ишалар</i>	<i>шелар</i>	‘причитания’
<i>идишегълиди</i>	<i>дишегълиди</i>	‘женщина’, ‘девушка’
<i>уьгваьна</i>	<i>гваьна</i>	(эрг. пад.) ‘за’, ‘вслед’

§ 11. Редукция и выпадение гласных. В противовес лезгинскому литературному языку и гюнейскому диалекту, для которых характерны редукция и полное выпадение гласных, в яркинском диалекте, в частности в нютюгском говоре, гласные редуцируются и выпадают довольно редко.

Здесь, как и в литературном языке, редукции могут подвергаться гласные *и*, *у*, *уь* основы и аффикса, на которые не падает ударение:

<i>чһнар тар</i>	<i>чһинар тар</i>	‘тополь’
<i>тһка^н, тһуькве^н</i>	<i>тһуькве^н</i>	‘лавка’, ‘магазин’

В отдельных словах редукция есть результат перемещения ударения на другой слог. Так, в словах *эваьлүкһ* ‘конский щавель’ (ед. ч.) и *эваьл(у)кһар* (мн. ч.) гласный *у* второй формы редуцировался в связи с переходом ударения на другой слог.

В ряде слов гласные могут выпадать. Не представляется нужным специально останавливаться на характерном для лезгинского языка явлении выпадения отдельных компонентов или целиком аффиксов родительного, эргативного и других падежей, а также гласных на стыке двух слов, из которых одно кончается, а другое начинается гласным. Такое явление имеет место и в данном диалекте, например: *дидед* ‘мать’—эрг. пад. (вм. *дидеди*), *арабад гегг* ‘ось арбы’—род. пад. (вм. *арабадил гег*), *ада вуна* ‘он сделал’ (вм. *ада асуна*) и др.

В редких случаях наблюдается в говоре выпадение гласного *и* в вопросительных формах глагола: *Гыла хъисе^н хъанаи?* ‘Теперь хорошо ли случилось?’; *Бах шианаи?* *Гы^нз шана?* ‘Мама ушла? Куда ушла?’; *На фу чурадан?* ‘Ты будешь печь хлеб?’.

Такое отпадение гласного *и* в вопросительных формах глагола встречается и в беглой литературной речи.

Очень редко в данном говоре можно обнаружить отпадение гласного в исходной форме имен существительных: нашлось лишь одно слово — *мер* или *мар* ‘ежевика’ (ед. ч.) и *марар* (литер. *мере, меряр*) — мн. ч.

§ 12. Состав согласных. В нютюгском говоре имеются все согласные фонемы литературного языка и кроме них спирантизованный *гг*, лабиализованный *ггв* и заднеязычный лабиализованный *хъв*. Все три согласных являются в говоре фонемами. Не имеют фонематического значения встречающиеся в говоре аффрикаты *дж* и *дз* и фарингальные спиранты *гІ* и *хІ*, которые отсутствуют в лезгинском литературном языке.

По способу образования согласные говора делятся на три ряда: сонорные, смычные и спиранты. Спиранты в свою очередь делятся на звонкие и глухие, а смычные делятся на простые и аффрикаты. Обе эти группы делятся на звонкие и глухие, а глухие в свою очередь — на придыхательные и непридыхательные.

Лезгинские глухие смычные и аффрикаты *п*, *т*, *к*, *ц*, *ч*, *къ* имеют соответствующие придыхательные пары *пһ*, *тһ*, *кһ*, *цһ*, *чһ*, *хъ*. Все они имеют фонематическое значение как в литературном языке, так и в данном говоре.

По месту образования яркинские согласные проходят по всему речевому аппарату, начиная от губ и кончая гортанью, где образуются язычковые (ларингальные).

Самое сложное подразделение находим у переднеязычных — они делятся на зубные свистящие и шипящие. Каждая из этих групп имеет лабиализованные и нелабиализованные пары. Однако шипящие аффрикаты *ч, чһ, чI* и спиранты *ж, ш* в нютюгском говоре не имеют лабиализованных коррелятов *чв, чһв, чIв, жв, шв*, которые являются принадлежностью диалектов самурского типа. Лабиализованные также являются фонемами.

За переднеязычными следует среднеязычный согласный, или, как его иногда называют, полугласный *й*.

Заднеязычные и далее увулярные также делятся на лабиализованные и нелабиализованные, причем здесь ряд лабиализованных выдержан более строго, чем у переднеязычных.

За увулярными следуют фарингальные и затем ларингальные, или гортанные, согласные.

Всего в нютюгском говоре, как и во всем яркинском диалекте, насчитывается 61 согласный звук, из которых фонематического значения не имеют только 5 согласных (*дж, дз, гI, xI, v*), а 56 являются фонемами (см. таблицу согласных говора).

Остановимся кратко на употреблении в говоре согласных, отсутствующих в литературном языке. Звонкая шипящая аффриката *дж* употребляется в говоре в любой позиции слова. Чаще всего она наличествует в словах заимствованных: 1) *джуваб* 'ответ'; *джуьре* 'вид', 'сорт'; *джиби** 'карман'; *джуьгу** 'изгородь'; 2) *жу**-*джур* 'цепь'; *неджбер* 'крестьянин'; *руджа* 'ружье'; *сиджиф* 'ободок'; 3) *бурдж* 'долг'; *радж* 'запасы зерна на зиму', *киредж* 'известь'.

Звонкая свистящая аффриката *дз*: *медз* 'язык'; *мурдз* 'пламя', 'лезвие'; *ладз* 'белая глина'; *лудз* 'глина для обмазки' (не только белая, как в гюнейском диалекте), *вардз* 'месяц', 'луна'; *дзигьам*, *цигьам* 'колючий кустарник'; *дзидзи* 'игрушка'; *идзигу** 'класть'; *адзукьу**, *азукьу** 'сидеть'.

Звонкий фарингальный спирант *гI* (араб. айн), а также глухой фарингальный спирант *xI* встречаются в основном в словах арабо-персидского происхождения: 1) *гIамле* 'дядя по отцу', *гIарбе* 'среда', *гIуьмуьр* 'жизнь' и т. д.; 2) *xIаламатһ* 'диво', *xIарф* 'букава', *маьxIле* 'квартал'.

В целом ряде слов говора находим заднеязычный звонкий спирант *гг* (звук этот приведен в работе П. К. Услара и обозначен через *г* шаддат): *ггам* 'ковёр'; *ггад*, *гад* 'лето'; *ггуьрне* 'дудка'; *ггавл* 'след'; *ггум* 'дым'; *ггирве***кһа* 'фунт'; *иггениз* 'на жатву'; 'жать'; *йиггарар* 'молотьба'; *ггурар* 'лестница', *ггваьл* 'кипение' и т. д. Звук *гг* может находиться в начале и середине слова перед всеми гласными. В говоре функционирует и лабиализованный *ггв*: *ггва* 'есть у кого-л., чего-л.', *ггверу** 'бежать'; *ггьггваьл* (Зиз).

Таблица согласных нютюгского говора яркинского диалекта*

Место образования	Способ образования									
	Сонорные		Вибранты		Смьчные				Спиранты	
					простые		аффрикаты			
					глухие		глухие		звонкие	
Губо-губные Губо-зубные Переднеязычные	м				п	пI			в (v)	ф
					т	тI	ц	цI	з	с
					тв	тIв	цв	цIв	зв	св
Среднеязычные Заднеязычные									ж	ш
									й	
									гг	хь
Увулярные Фарингальные Ларингальные									ггв	хьв
									гь	х
									гьв	хв
										гь

* В клетке под смьчными и спирантами помещены их лабиализованные корреляты.

‘чирий’. Последнее слово встречается в говоре в нескольких формах. В Кварчаге и Куркенте оно звучит как *хъваьл*, в других селениях — как *буьваьл*.

В данном говоре имеется еще один согласный — заднеязычный глухой спирант *хъв*, которого нет в других диалектах за исключением стальского переходного говора гюнейского диалекта. На месте этого согласного в гюнейском и курахском диалектах выступают губные спиранты *в* и *ф*, а также лабиализованный спирант *св*. Примеры на звук *хъв* в нютюгском говоре:

<i>хъваьл</i>	<i>буьваьл, фаьл</i>	‘чирей’
<i>гатхъвар</i>	<i>гатхфар</i>	‘весна’
<i>гутхфар</i>		
<i>йуьхъв</i>	<i>йиф</i>	‘ночь’
<i>кьуьхъв</i>	<i>кьиф</i>	‘мышь’
<i>кьиф</i>		
<i>хъвехъ</i>	<i>свас</i>	‘невеста’, ‘сноха’

В других словах литературное *ф* употребляется и вместо нелабиализованного *хъ* яркинского диалекта, но в этих случаях *хъ* всегда стоит в позиции перед лабиальными гласными:

<i>хъуьд</i>	<i>фид</i>	‘навоз’
<i>хъуьн</i>	<i>фин</i>	‘семена конопли’

§ 13. Звуковые соответствия согласных. Среди закономерных соответствий следует отметить соответствия между следующими согласными.

Заднеязычному звонкому смычному *з* говора соответствует переднеязычный звонкий свистящий спирант *з* литературного языка. Подобное соответствие имеет место в начале, середине и в конце слов перед лабиальным гласным переднего ряда *уь*:

<i>уьзез</i>	<i>юзваз</i>	‘шевелиться’
<i>эуьрун</i>	<i>юзурун</i>	‘шевелить’
<i>гуьлуьз</i>	<i>зулуз</i>	‘осенью’
<i>гуьр, гуьрер</i>	<i>зур, зура</i>	‘сушеные фрукты’, ‘половина’
<i>гуьрба</i>	<i>зирба</i>	‘мера сыпучих тел’
<i>гуьндубъ</i>	<i>гуьндубъ</i>	‘шило’, ‘толстая игла’

Звук *з* говора может соответствовать и губно-губному звонкому спиранту *в* в аффиксах местных надежей I серии, а также в исходной форме отдельных имен:

<i>джанагур</i>	<i>джанагур</i>	‘волк’
<i>хуьруьн:уь</i>	<i>хуьруьн:ви</i>	‘односельчанин’
<i>стIалгуь</i>	<i>стIалви</i>	‘сталец’, ‘стальский’

<i>зас</i>	<i>зав</i>	‘мне’, ‘ко мне’
<i>кьуьчхуьрругни</i>	<i>кьуьчхуьрривни</i>	‘и ключюрцам’
<i>дидед кьилиг</i>	<i>дидед кьилив</i>	‘к матери’
<i>кIвелигвай</i>	<i>кIваливаа</i>	‘от дома’

Названные соответствия между диалектным *з* и литературными спирантами *з* и *в* свидетельствуют о том, что исходным (первичным) звуком в этих формах диалекта являлся спирант *зг*. Мы пришли к такому заключению потому, что процесс превращения простых смычных в спиранты не характерен для дагестанских языков вообще, о чем свидетельствуют материалы языков⁶. Нехарактерно это явление и для исследуемого говора. Смычный *з*, соответствующий спирантам литературного языка *з* и *в*, является не чем иным, как рефлексом спиранта *зг*. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в некоторых из названных слов обнаруживалось употребление спиранта *зг* вместо *з*. В работе П. К. Услара многие из приведенных слов также записаны через *з* шаддат, т. е. *зг*.

В ряде слов переднеязычному глухому смычному *т* соответствует переднеязычный звонкий смычный *д*:

<i>тавуьга</i>	<i>давуьга</i>	‘суи на кислом молоке’
<i>таьгуьга</i>		
<i>тте</i>	<i>диде</i>	‘мать’, ‘бабушка’
<i>тиривал</i>	<i>диривал</i>	‘здоровье’, ‘бодрость’
<i>такIарар</i>	<i>дакIарар</i>	‘окна’
<i>тIасмал</i>	<i>дасмал</i>	‘полотенце’

В нескольких заимствованных словах имеет место обратное соответствие — звука *д* звуку *т*:

<i>дарагъаджар</i>	<i>тарагъажар</i>	‘виселица’ (мн. ч.)
<i>дакатI</i>	<i>такъатI</i>	‘сила’
<i>дафтI</i>	<i>тIафтI</i>	‘бубен’
<i>игид</i>	<i>игитI</i>	‘смелый’

Характерным для нютюгского говора является соответствие звонкого губно-губного *б* говора глухому *п* литературного языка:

<i>баьхъ</i>	<i>паьхъ</i>	‘ворона’
<i>бегъре^н</i>	<i>иерем</i>	‘рубаха’
<i>бешер, бишер</i>	<i>пешер</i>	‘листья’
<i>пешер</i>		
<i>бехъи</i>	<i>пехъи</i>	‘бешенный’
<i>бака</i>	<i>пака</i>	‘завтра’
<i>бекI</i>	<i>пекI</i>	‘тряпка’
<i>бацI</i>	<i>пацI</i>	‘лапа’

⁶ См.: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

В говоре имеет место соответствие между заднеязычными смычными *к* и *г* и обратное — между *г* и *к*. В начале целого ряда слов перед гласным *а* глухой *к* говора соответствует звонкому *г* литературного языка, т. е. в говоре произошло оглушение звонких смычных:

<i>каф</i>	<i>гаф</i>	‘слово’
<i>каьгь</i>	<i>гаьгь</i>	‘то’, ‘то-то’
<i>катар</i>	<i>гатар</i>	‘хлебá’
<i>качһал</i>	<i>гачһал</i>	‘паршивый’
<i>кичи</i>	<i>гижи</i>	‘головокружение’
<i>куьлуьтһар</i>	<i>гуьлуьтһар</i>	‘чулки’
<i>дестекһар</i>	<i>дестегар</i>	‘столбы’

Это же правило распространяется и на некоторые заимствованные из русского языка слова:

<i>матһикһ</i>	<i>матһиг</i>	‘мотыга’
<i>маказинар</i>	<i>магазинар</i>	‘магазины’
<i>Крузнада</i>	<i>Грознада</i>	‘в Грозном’

Однако имеет место и обратное соответствие — звонкому *г* говора глухой *к* литературного языка:

<i>габачһ</i>	<i>кабачһ</i>	‘козленок’
<i>гацһ, гицһи</i>	<i>кацһ</i>	‘кошка’
<i>гаи</i>	<i>каи</i>	‘голод’
<i>гахһатһзавей</i>	<i>кахһатһзаваа</i>	‘попадал под’
<i>Гуша^н-хуьр</i>	<i>Каша^н-хуьр</i>	‘Каш-Кент’
<i>гатһейла</i>	<i>катһаала</i>	‘когда убежал’
<i>дестег</i>	<i>дестекһ</i>	‘столб’
<i>хуьшрега^н</i>	<i>хуьшрекһа^н</i>	‘паук’

Соответствия этих звуков, как видим, встречаются и в отдельных словах, заимствованных из русского языка:

<i>гило</i> }	<i>кило</i>	‘кило’
<i>гилов</i> }		
<i>газарма</i>	<i>казарма</i>	‘казарма’
<i>гулуб</i> }		
<i>клубI</i> }	<i>клуб</i>	‘клуб’

Это соответствие является характерным для всего яркинского диалекта. Здесь первичными являются звонкие смычные.

Вышеназванные лезгинские слова с начальным согласным *г* в такой же форме находим и в материалах П. К. Услара. Нормой живой лезгинской литературной речи в данных словах является начальный глухой *к*. Возникает предположение о том, не является ли этот звонкий *г* яркинского диалекта результатом влияния на него соседнего азербайджанского языка, в котором в начале ряда

слов озвончается глухой *к*. Озвончение начального *к* в словах как исконных, так и заимствованных зафиксировано И. Керимовым и в кайтагском диалекте кумыкского языка⁷, что автор считает также влиянием азербайджанского языка.

Наличие же обратных соответствий можно объяснить стремлением говора избежать подобного не характерного для литературного языка озвончения начального *к*. Однако этот процесс происходит иногда и в словах, которые в родном языке (если они заимствованные) и в литературном лезгинском языке произносятся через *г*. Этим объясняется соответствие звука *к* звуку *г* в таких заимствованных словах, как *каф* ‘слово’, *каьгь-каьгь* ‘то’, ‘то...то’ и другие, которые в персидском языке произносятся через начальное *г*.

Другим объяснением этого факта является то, что об озвончении нютюгского говора можно говорить лишь в плане сопоставления соответствующих слов с такими же словами литературного языка. А звонкие смычные были более ранними согласными, входившими в фонетическую систему дагестанского языка-основы. Об этом говорит Е. А. Бокарев⁸ и ряд других исследователей. Данные по звукосоответствиям говора и литературного языка дают возможность считать нютюгский говор одним из реликтовых говоров лезгинского языка, сохранивших более древние исконные звуки лезгинского языка-основы. Такие заключения, однако, будут более объективны и правильны после исследования всех диалектов языка.

Заднеязычному звонкому спиранту говора *гг* соответствует звук *г* литературного языка. Соответствие наблюдается и между их лабиализованными парами:

<i>гверу^н</i>	<i>зверу^н, гверу^н</i>	‘бежать’
<i>гва</i>	<i>зва</i>	‘есть’
<i>уьгваьна</i>	<i>гваьна, гуьгьуьна</i>	‘сзади’, ‘позади’
<i>игге^н ггиз</i>	<i>ге^н гиз</i>	‘жать’ (колосья)
<i>йиггарар аву^н</i>	<i>йиггарар аву^н</i>	‘молотить’
<i>биргега^{нд}</i>	<i>бирге^{нд}</i>	‘баран, целиком зажаренный в специальной печи’
<i>ггар</i>	<i>гар</i>	‘ветер’
<i>ггум</i>	<i>гум</i>	‘дым’
<i>ггурмаа</i>	<i>гурмаа</i>	‘дымоход’
<i>ггурар</i>	<i>гурар</i>	‘лестница’
<i>ггам</i>	<i>гам</i>	‘ковер без ворса’
<i>аггу^н</i>		
<i>уггу^н</i>	<i>йугу^н</i>	‘варить’
<i>ггайи^н тар</i>	<i>гайи^н тар</i>	‘граб’

⁷ См.: И. А. Керимов. Кайтагский диалект кумыкского языка (рукопись хранится в Ин-те языкознания АН СССР).

⁸ См.: Е. А. Бокарев. Указ. соч.

Первичным в этих словах также является спирант *зз* яркинского диалекта (см. соответствия *з, з, в*).

В начале некоторых слов и на конце перед гласными *а, у, е* переднеязычной звонкой свистящей аффрикате *дз* говора соответствует переднеязычный звонкий свистящий щелевой *з* литературного языка. Количество этих слов ограничено и в основном одинаково по всем говорам, где встречается аффриката *дз*:

<i>ладз</i>	<i>лаз</i>	‘белая глина’
<i>лудз</i>	—	‘глина для обмазки’
<i>медз</i>	<i>мез</i>	‘язык’ (анат.)
<i>вардз</i>	<i>варз</i>	‘месяц’, ‘луна’
<i>къадз</i>	<i>къаз</i>	‘всходы’, ‘зелень’
<i>дзигъам</i>	<i>цагъам, загъам</i>	‘кустарник ежевики’

Второе слово — *лудз* — вообще отсутствует в литературном языке.

Любопытно отметить соответствие *з* говора аффрикате *ц* литературного языка в некоторых глагольных формах:

<i>азукъу^н</i>	<i>ацукъу^н</i>	‘садиться’
<i>азукъейди</i>	<i>ацукъаади</i>	‘севший’
<i>изаьгъу^н</i>	<i>изагъу^н</i>	‘толкать’
<i>изигна</i>	<i>эцигна</i>	‘положил’
<i>идзигна</i>		

В редких случаях в заимствованных словах звук *з* соответствует переднеязычному глухому свистящему щелевому *с*, т. е. в говоре происходит озвончение спирантов:

<i>Зибир</i>	<i>Сибир</i>	‘Сибирь’
<i>забрани</i>	<i>собрани</i>	‘собрание’
<i>заьтһ, саьтһ</i>	<i>саьтһ</i>	‘часы’

Одной из черт, характеризующих данный диалект, является соответствие заднеязычного глухого смычного *к* с придыханием и без придыхания переднеязычной глухой смычной аффрикате *ц* с придыханием и без придыхания. Когда эти звуки лабиализованы, они могут соответствовать один другому в начале, середине и на конце односложных и многосложных имен и глаголов в соседстве с лабиальным *уь*.

<i>куьр</i>	<i>цур</i>	‘конюшня’, ‘сарай’
<i>кваьл</i>	<i>цвал</i>	‘шов’
<i>куьл</i>	<i>цуьл</i>	‘сноп’
<i>куьн, квелар</i>	<i>цун, цвалар</i>	‘шить’, ‘шитье’
<i>кӀуькӀуь</i>	<i>кӀуьцӀуь</i>	‘кувшинчик глиняный’
<i>руькӀ</i>	<i>руьцӀ</i>	‘уж’

С обратным соответствием звука *ц* говора звуку *к* литературного языка мы обнаружили одно лишь слово в с. Куркент — это *цӀицӀикӀар* ‘мушкетер’ (литер. *кӀицӀикӀар*).

Таким же образом смычно-гортанному *кӀ* соответствует в литературном смычно-гортанная аффриката *цӀ*:

<i>кӀвелер</i>	<i>цӀвелер</i>	‘виски’, ‘волосы на висках’
<i>кӀвели^н тар</i>	<i>цӀвели^н тар</i>	‘верба’
<i>кӀвегь</i>	<i>цӀвегь</i>	‘рассол брызгы’
<i>экӀсена</i>	<i>эцӀсена</i>	‘разрушилось’, ‘развалилось’
<i>экӀуьрна</i>	<i>эцӀуьрна</i>	‘разрушили’
<i>якӀуьр</i>	<i>яцӀуьр</i>	‘сорок’
<i>яцӀуьр</i>		
<i>уькӀуь</i>	<i>уьцӀуь</i>	‘солёный’

Интересно соответствие полугласного *й* сонорному вибранту *р* на конце некоторых глагольных форм с отрицанием, в форме прошедшего времени глагольной связки *я* ‘есть’ (*тир* ‘был’) и некоторых других слов:

<i>амачһий</i>	<i>амачһир</i>	‘не было’, ‘не оставалось’
<i>авачһий</i>	<i>авачһир</i>	‘не было’
<i>рекьимий</i>	<i>рекьимир</i>	‘не умирай’, ‘не убивай’
<i>чидачһий</i>	<i>чидачһир</i>	‘не знал’
<i>тий</i>	<i>тир</i>	‘был’
<i>тһшй</i>	<i>тушир</i>	‘не был’
<i>тһшйиди</i>	<i>туширди</i>	‘не являющийся’
<i>хий</i>	<i>хир</i> (от <i>эхир</i>)	‘же’

Наблюдается также соответствие между спирантами *хь* и *ф*:

<i>уьхьуьз, хьуьз</i>	<i>йифиз</i>	‘ночью’
<i>се^нхьуьз</i>	<i>се^нфиз</i>	‘вчера ночью’
<i>тһуьтер уьхьвена</i>	<i>тһуьтер ифена</i>	‘охрип’
<i>хьуьцаькь</i>	<i>фицаькь</i>	‘давеча’, ‘позавчера’
<i>хьуьд</i>	<i>фид</i>	‘навоз’

А в слове *маьхт* ‘мозг’ (литер. *мефтӀ*) по всему диалекту литературный *ф* соответствует увулярному *х*.

В говоре имеет место целый ряд единичных соответствий согласных. Так, увулярный звонкий *гь* соответствует увулярному глухому *х* литературного языка в словах *тһнӀигь* ‘вязанка хвороста’ (литер. *тһнӀих*); *магь* ‘сказка’ (литер. *мах*); *кьатһуьгь* ‘кислое молоко’ (литер. *кьатһух*).

Глухая аффриката *чӀ* соответствует звонкому *ж* литературного языка в слове *чӀи^нчӀи бунӀах* ‘грибы-поганки’ (литер. *жи^нжи банӀах*).

Переднеязычной глухой шипящей придыхательной аффрикате *ch* соответствует аффриката *дж* в слове *джинеруг* 'ястреб' (литер. *чхунеруг*).

В слове *шун* 'идти' и его производных в говоре и во всем диалекте глухому спирantu *ш* соответствует глухой же спирantu *ф* (литер. *фин*).

Звук *ф* соответствует губно-губному продувному *в* в слове *кьаркьалуф* 'летучая мышь' (литер. *кьаркьалуф*).

Звук *ш* может соответствовать переднеязычной придыхательной шипящей аффрикате *ch* в слове *ашкар* 'фазаң' (литер. *ачкар*).

Переднеязычному смычному *th* соответствует переднеязычный смычно-гортанный согласный *тI* в слове *шабалтхар* 'каштаны' (литер. *шабалтIар*).

Полугласный *й* соответствует ларингальному спирantu *гь* в слове *пхейлива* | *пхаалива** 'богатырь', 'акробат' (литер. *пхаг-лива**) и увулярному спирantu *гь* в слове *яйлух* 'платок' (литер. *ягьлух*).

Ларингальный спирantu *гь* соответствует заднеязычному звонкому смычному *г* в слове *гыла* 'теперь', 'сейчас' (литер. *гила*), которое характерно для яркинского диалекта вообще, а также звуку *в* в слове *гьуыр* 'озеро' (литер. *вир*). Это слово проливает свет на происхождение слова *гьуыл* 'море'. Вероятно, слово «море» произошло от слова «озеро» путем переноса значения. Соответственно видоизменилась форма слова *гьуыр* 'озеро', где конечное *р* заменилось близким с ним по месту и способу образования звуком *л*.

Звук *гь* соответствует звуку *в* в слове *тагьугьва* 'суп на кислом молоке' (литер. *дувугьва*), звуку *г* в слове *агьакьнув* 'достиг' (литер. *агакьнава*), звуку *д* в таком словосочетании, как *гьил алагьру** 'гладить рукой' (литер. *гьил аладру**).

Увулярный глухой смычный *кь* соответствует звуку *гь* и в слове *кьуцхар* 'бог' (литер. *гьуцхар*) и звуку *х* в слове *тхемескьа** — вид съедобной травы (литер. *тхемесха**).

Звук *х* соответствует звуку *гь* в слове *пIах гу** 'целовать' (литер. *пIагь гу**) и увулярному смычно-гортанному *кь* в слове *халх*, *халхди** 'народ', 'народный' (литер. *халкь*, *халкьди*).

Губно-губному глухому смычному придыхательному *пh* соответствует непридыхательный *п* в слове *пхукумахь*, *пхукума** *вахт* 'утро', 'утреннее время' (литер. *пакамахь*, *пакама** *вахт*). Обратное соответствие наблюдается в слове *паркьул*, *паркьулар* 'лопух', 'лопухи' (литер. *пхаркьул*, *пхаркьулар*).

§ 14. Ч е р е д о в а н и е с о г л а с н ы х. В чередовании согласных в нютюгском говоре почти нет различий с литературным языком. При изменении односложных слов, среди которых обычно более слов исконных, в нютюгском говоре, как и в литературном языке, происходят интересные чередования

звуков. Некоторые из них в литературном языке были в свое время замечены Л. И. Жирковым⁹. Подробнее вопрос этот осветил Б. Б. Талибов¹⁰. Он проследил условия, при которых происходят чередования ряда согласных, и попытался дать им объяснение.

Основные чередования согласных, имеющиеся в литературном лезгинском языке и в диалектах кюринского типа, следующие:

1) переход конечных придыхательных в непридыхательные: *kharch* 'рог' > *khрчар* (мн. ч.), *цукьh* 'цветок' > *цукьвер* (мн. ч.);

2) переход конечных придыхательных в смычно-гортанные: *meth* 'колени' > *metIer* (мн. ч.), *nekh* 'молоко' > *nekIer* (мн. ч.);

3) оглушение конечных звонких: *rab* 'игла' > *рапар* (мн. ч.);

4) переход конечных звонких в смычно-гортанные: *кьуьд* 'зима' > *хьуьтIуьз* (дат. пад.);

5) переход начального смычно-гортанного в соответствующий придыхательный: *тIуб* 'сова' > *тхунIре* (эрг. пад.), *пIунI* 'угол' *пхунIе* (мест. IV пад.).

В данном говоре можно привести лишь отдельные случаи чисто яркинских чередований.

В отдельных словах чередуются заднеязычные *к* и *г*. Так, слово *кацh/гацh* 'кошка' в форме косвенных падежей и множественного числа употребляется только с начальным согласным *г*: *гьцhиз* 'кошке' и т. д.

Чередуются в отдельных словах и губно-губные *п* и *б*. Например, слово *пеш/беш* 'лист' (раст.) в косвенных падежах и в форме множественного числа употребляется только с *б*: *бишер* 'листья', *бишерал* 'на листьях', *цуру***бишер* 'щавель' и т. д.

В слове *чIурхар* 'желоб' в форме косвенных падежей множественного числа конечный основы *р* чередуется с полугласным *й*: *чIурхайра* 'в желобах', *чIурхайриз* 'желобам' и т. д.

§ 15. А с с и м и л я ц и я с о г л а с н ы х. В говоре имеют место случаи как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции.

Прогрессивной ассимиляции чаще всего подвергаются согласные компоненты аффиксов эргативного и производных падежей, также некоторых глагольных времен. Так, согласный *д* аффикса этих падежей целого ряда имен ассимилируется соседним глухим согласным и превращается в *т*:

<i>бахти</i>	<i>бахди</i>	'старшая сестра', 'мать' (эрг. пад.)
<i>патахъти</i>	<i>патахъди</i>	'в сторону'
<i>манатти</i>	<i>манатди</i>	'рубль' (эрг. пад.)

⁹ Л. И. Жирков. Указ. соч., стр. 51—52.

¹⁰ Б. Б. Талибов. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке. «Уч. зап. НИЯЛ», т. XI. Махачкала, 1962.

В слове *гад* 'хлеб' в косвенных падежах и во множественном числе оглушается конечный звонкий *д*, а глухой *т* ассимилирует начальный звонкий, превращая его в глухой. Слово, изменяясь, получает формы: *катар*, *катари*, *кату* и т. д.

В заимствованном из русского слове «склад» также сначала оглушается конечный *д* ($d > t$), а затем этот *т* ассимилирует звонкий *д* аффиксов: *склаттай* 'из склада', *склаттиз* 'в склад' и др. В слове *усабба* 'усадьба' мягкий *д* ассимилирован звуком *б*.

В ряде имен смычно-гортанные *цI*, *кI*, *тI* частично ассимилируют конечный губно-губной звонкий смычный *б*:

<i>кIаранI</i> , <i>кIар</i>	<i>кIара-</i>	<i>кIараб</i> , <i>кIарабар</i>	'кость', 'кости'
<i>тIунI</i>		<i>тIуб</i>	'палец'
<i>тIуб</i>	}	<i>тIуб</i>	'сова'
<i>тIунI</i>		<i>цIуб</i>	'маленькая крынка'

Прогрессивной ассимиляцией можно объяснить и формы слов *йайу*^н 'бить' (литер. *йагьу*^н), *йайлух* 'платок' (литер. *йагьлух*). Здесь начальным *й* ассимилирован *гь*.

В отдельных словах имеет место и регрессивная ассимиляция согласных, например $b > nI$, $d > tI$: *нIунIшар* 'сажа' (литер. *бинIунар*), *тIанIарар* 'замок' (литер. *данIарар*).

По диссимилации согласных в данном говоре обнаруживаются те же факты, что и в отдельных говорах гюнейского диалекта, т. е. в заимствованных словах типа *ислемишун* 'употреблять', 'работать' (литер. *ишлемишун*), *басламишун* 'начинать' (литер. *башламишун*) распадаются звуки *ш*.

§ 16. М е т а т е з а. В нютюгском говоре встречается целый ряд слов с метатезой смежных звуков, чаще сонорных: *р* и *м*, *р* и *н*, *р* и *т*, *в* и *гь*, *в* и *р*, *гь* и *д*, *л* и *гь*, *ф* и *л*, *к* и *ж*.

Во всех говорах яркинского диалекта встречается слово *хартхутн*, *хартхутнар* 'тутовник' (литер. *хатхрутн*), в котором наблюдаем метатезу звуков *р* и *т*. Однако слово это заимствовано из азербайджанского языка, и исконная форма его — *хартхутн*, что позволяет говорить о метатезе в литературном языке, а не в нютюгском говоре. То же можно сказать о словах *хурмав* 'хурма' (литер. *хумрав*), *тIанур* 'печь в виде круглой ямы в земле для выпечки хлеба' (азерб. *тендыр*, литер. *тIару*^н).

Приведем еще несколько примеров на метатезу вышеназванных звуков:

<i>джагьла</i>	<i>жалгьа</i>	'сустав', 'цель'
<i>шавгьар</i>	<i>шагьвар</i>	'легкий ветерок'
<i>гегьвер</i>	<i>гевгьер</i>	'жемчуг'
<i>цIамха</i>	<i>цIахма</i>	'сорт груш'

<i>хьутлух</i>	<i>хьултух</i>	'нагрудный карман'
<i>гивре</i>	<i>гирве</i>	'перевал', 'переход'
<i>дуйгьдер</i>	<i>дуйдгьвер</i>	'сливочное масло'
<i>джегьлем</i>	<i>джегьлем</i>	'ад'
<i>кхифлетн</i>	<i>кхилфетн</i>	'семья'
<i>лекхтве</i>	<i>луйтхкве</i>	'лодка'

§ 17. С у б с т и т у ц и я. В нютюгском говоре, преимущественно в заимствованных словах, часто происходит субституция сонорных звуков литературного языка:

а) сонанта литературного языка латеральным *л* говора:

<i>ламус</i>	<i>намус</i>	'честь', 'совесть'
<i>дулалмиш хьу</i> ^н	<i>дуланмиш хьу</i> ^н	'жить'
<i>утхалмиш хьу</i> ^н	<i>утханмиш хьу</i> ^н	'стесняться'
<i>кьазалмишиз</i>	<i>кьазанмишиз</i>	'зарабатывать', 'служить'

б) латерального *л* сонорным вибрантом *р*:

<i>ариверишчни</i>	<i>аливеришчни</i>	'конец', 'торговец'
<i>эркне</i> ^н	<i>елкне</i> ^н	'парус'
<i>цIанхурар</i> ,	<i>цIакхулар</i> ,	'перья птицы'
<i>цIанхур</i>	<i>цIакхул</i>	
<i>цнмир кьуш</i>	<i>цнмил кьуш</i>	'сказочная птица'

в) сонорного вибранта *р* латеральным *л* говора:

<i>малмалатн</i>	<i>мармалатн</i>	'мармелад'
<i>назбалиш</i>	<i>назбарши</i>	'небольшая подушка'
<i>мурдал</i>	<i>мурдар</i>	'змея', 'нечисть'

г) латерального *л* сонантом *н*:

<i>накIаб</i>	<i>лакIаб</i>	'прозвище', 'кличка'
<i>гьенерар</i> , <i>гье</i> ^н	<i>гьелерар</i> ; <i>гьел</i>	'сани'
<i>неджбер</i>	<i>леджбер</i>	'крестьянин'

д) сонанта *м* сонантом *н*:

<i>чешне</i>	<i>чешме</i>	'источник'
--------------	--------------	------------

е) сонанта *н* сонантом *м*:

<i>миштIер</i>	<i>ништIер</i>	'перочинный нож'
----------------	----------------	------------------

ж) латерального *л* сонантом *м*:

<i>гьахьмаь</i>	<i>гьавилаь</i>	'поэтому'
-----------------	-----------------	-----------

з) сонорного вибранта *р* сонантом *м*:

<i>мегем</i>	<i>мегер</i>	'разве'
--------------	--------------	---------

и) губно-губного продувного в латеральном л:

хумрал хи^нкIар *хумрав хи^нкIар* 'вид галушек'

§ 18. Выпадение согласных. Чаще всего в нютюгском говоре выпадает носовой *н* (см. «Отклонение в назализации»).

В ряде случаев в начале и конце слова выпадает увулярный *гъ*:

<i>авурда гъатһу^н</i>	} <i>гъавурда гъатһу^н</i>	'понимать'		
<i>гъавурда гъатһу^н</i>				
<i>гъуьлабъгъ</i>			<i>гъуьлабъгъ</i>	'змея'
<i>къарабъгъ</i>			<i>къарагъ</i>	'вставай'
<i>начнаа хьу^н</i>			<i>начнагъ хьу^н</i>	'болеть'
<i>сабъ хьу^н</i>	<i>сагъ хьу^н</i>	'направляться'		

Нетрудно заметить, что чаще встречается выпадение конечного *гъ*, причем этот процесс сопровождается увеличением долготы предыдущего гласного звука.

В ряде слов, преимущественно в начале их, выпадает полугласный *й*:

<i>агъалмиш хъана</i>	<i>йагъалмиш хъана</i>	'ошибся'
<i>уьхьуьз</i>	} <i>йифиз</i>	'ночью'
<i>хьуьз</i>		
<i>уггуна</i>	<i>йугуна</i>	'сварилось'
<i>укъуз, къуз</i>	<i>йукъуз</i>	'днем'

Частица *бес* 'ведь' в говоре имеет форму *бе*, *бегъ*, т. е. в слове выпадает конечный переднеязычный глухой щелевой свистящий *с*, а наречие *мад* 'еще', 'опять' имеет форму *ма* (*магъ*), где отпадает конечный *д*.

Следует отметить любопытную особенность говора и всего яркинского диалекта относительно произношения имен собственных, оканчивающихся словом *хан*. Слово *хан* с титульным значением 'князь' присоединяется к целому ряду собственных имен, преимущественно мужских, а в редких случаях и женских. В гюнейском и других диалектах конечный *н* в таких именах по закону лезгинской фонетики назализуется, как и в других именах собственных, оканчивающихся на *н*: *Рамаза^н*, *Сулейма^н* и т. д. В яркинском же диалекте имена собственные со словом *хан*, как и вообще со звуком *н* на конце, теряют конечный *н*. Звук этот отпадает, не оставляя после себя даже носового оттенка в предыдущем гласном: *Савзиха*, *Р(и)заха*, *Кхелбиха*, *Рамаза* — мужские имена, *Шеериха* — женское имя и др. Такое же положение наблюдается в некоторых словах, означающих профессию, клички

и т. д. и оканчивающихся на *н*: *нехирба* 'пастух' (литер. *нехирба^н*), *чһаплахъа* 'левша' (литер. *чһаплахъа^н*).

Склонность к утере *н* является, таким образом, фонетической тенденцией нютюгского говора.

Гортанный глухой щелевой *гъ* выпадает в начале слов *алкъа* 'петля' (литер. *гъалкъа*) и *элбетһта* 'да', 'конечно' (литер. *гъэлбетһда*).

Слово *вир* 'озеро' в говоре встречается в формах *уьр* и *гъуьр*. В первом случае произошло выпадение губно-губного продувного *в*.

§ 19. Нарращение согласных. По сравнению с литературным языком в нютюгском говоре яркинского диалекта имеет место наращение согласных в начале, середине и конце отдельных слов. Прежде всего следует заметить, что в начале и середине ряда слов, преимущественно арабо-персидских заимствований, встречается гортанный щелевой звонкий согласный *гI* (араб. «айн»). Это явление можно считать наращением только условно по сравнению с аналогичными словами литературного языка, где данного звука в этих словах нет. Однако в языках, откуда взяты эти слова, они произносятся именно со звуком *гI*, что показывает, что в словах литературного лезгинского языка звук *гI* отпал. В работе П. К. Услара эти слова также даются со звуком *гI*:

<i>гIуьмуьр</i>	<i>уьмуьр</i>	'жизнь'
<i>гIавам</i>	<i>авам</i>	'невежда'
<i>гIамле</i>	<i>амле</i>	'дядя по отцу'
<i>гIараба</i>	<i>араба</i>	'арба'
<i>гIакьул</i>	<i>акьул</i>	'ум'
<i>гIилми</i>	<i>илми</i>	'наука', 'знание'
<i>гIуьзуьр</i>	<i>уьзуьр</i>	'болезнь', 'недуг'

В отдельных словах факультативно со звуком *гI* может нарастать гортанный глухой щелевой *гъ*: *гIамле* || *гъамле* 'дядя по отцу', *гъаджибугъда* || *гIаджибугъда* 'кукуруза'.

Нередки в говоре случаи наращения носового *н* в начале, середине и на конце отдельных слов, причем в некоторых позициях *н* может отпадать и назализовать предыдущий гласный:

<i>нукъварар къуна</i>	} <i>йукъварар къуна</i>	'боролись'
<i>йукъварар къуна</i>		
<i>пIаг^нпIишар</i>		
<i>биллишка^н</i>	<i>булушка</i>	'платье'
<i>кхелегъа^н</i>	<i>кхелегъа</i>	'шелковый головной платок'

В некоторых словах в начале и середине наблюдается наращение глухого гортанного щелевого *гъ*:

<i>гьеракъ</i>	<i>эрекъ</i>	‘водка’
<i>гъаштерханар</i>	<i>аштерханар</i>	‘индейки’
<i>бегьрем</i>	<i>перем</i>	‘рубаха’

В единичных словах имеет место наращение согласных *р, q, в, гъ, с, г:*

<i>фирчи^ч</i>	<i>фичи^ч</i>	‘столик для раз- делки теста’
<i>вердег</i>	<i>уьрдег</i>	‘утка’
<i>чIагъли^чтIар</i>	<i>чIаалитIар</i>	‘куропатки’
<i>чIигълитIар</i>		
<i>къисас, къисасар</i>	<i>къиса, къисаяр</i>	‘случай’, ‘проис- шествие’
<i>садбур</i>	<i>сабур</i>	‘одни’
<i>пакад йугъ</i>	<i>пака йугъ</i>	‘завтрашний день’
<i>асла^чгъ</i>	<i>асла^ч</i>	‘лев’
<i>тхарла^чгъ</i>	<i>тхарла^ч</i>	‘тигр или некое сказочное жи- вотное’

§ 20. Дел а б и а л и з а ц и я с о г л а с н ы х. В нютюгском говоре, как и в некоторых говорах гюнейского диалекта, особенно в стальском, имеет место делабиализация отдельных звуков, что является также фонетической тенденцией всего диалекта. Чаше всего делабиализации подвергается переднеязычный смычно-гортанный *тI*, в таких часто встречающихся односложных словах, как:

<i>тIар</i>	<i>тIвар</i>	‘имя’
<i>тIетI</i>	<i>тIветI</i>	‘муха’
<i>тIал</i>	<i>тIвал</i>	‘палка’, ‘трость’

Делабиализуется и переднеязычный глухой *т* с придыханием и без придыхания:

<i>тар</i>	<i>твар</i>	‘зерно’, ‘корм для птицы’
<i>тхар</i>	<i>тхвах</i>	‘неси’

В слове *сах* ‘коренной зуб’ (литер. *свах*) делабиализуется переднеязычный глухой свистящий щелевой *с*.

В прямой связи с делабиализацией переднеязычных *т, тI* находится соответствие *и* диалекта лабиальному *уь* литературного языка в позиции после тех же переднеязычных: *тIина* ‘съял’ (литер. *тIуьна*).

Морфология

Нютюгский говор обладает всеми теми грамматическими категориями, что и литературный язык. Здесь та же система склонения и словообразования, та же система глагола и т. д., на чем подробно останавливаться нет надобности. Вместе с тем в морфологии нютюгского говора имеется целый ряд расхождений с морфологией литературного лезгинского языка. В основном расхождения эти падают на имена и глаголы, точнее на склонение имен и образование различных глагольных форм. Имеют место и некоторые расхождения в образовании имен и форм множественного числа, в служебных словах и т. д.

§ 21. С л о в о о б р а з о в а н и е с у щ е с т в и т е л ь н ы х. В нютюгском говоре способы словообразования в общем те же, что в литературном языке. Основных способов образования имен существительных в лезгинском языке три: сложение, или сочетание, двух или нескольких слов, сложение основ и аффиксация. Из этих способов самым древним и простым является способ сложения двух или нескольких слов: *руг-руг* ‘мелко’, ‘вдробезги’ (букв. ‘пыль-пыль’); *чилер-цавар* ‘мир’, ‘вселенная’ (букв. ‘земля-небеса’); *фу-йад* ‘продовольствие’, ‘пища’ (букв. ‘хлебвода’).

На сложение основ можно привести следующие примеры, характерные для всех кюринских диалектов и в частности для нютюгского говора: *бугъубугъ* ‘овод’, *ацикнацикх* ‘медведка’, *ну-нушар*, *гъигъелар* — виды съедобных трав и др.

Продуктивных аффиксов словообразования в современном лезгинском языке очень немного. В число словообразовательных аффиксов входят: *-бан, -чи, -кнеш, -нан, -гъан, -хъан, -дар, -лух, -гуй, -ах, -ечI, -акх, -ац, -никI* и др. Многие из них являются заимствованными. Различия в образовании имен путем аффиксации между диалектом и литературным языком сводятся в основном к тому, что одно и то же понятие в них может быть образовано разными аффиксами.

При помощи суффикса *-чи*, пришедшего в лезгинский язык из азербайджанского, образуются слова, указывающие на ремесло или профессию. Из лезгинского глагола *къекъуьн* ‘ходить’ в литературном языке при помощи суффикса *-раг* образуется слово *къекъверраг* ‘странник’, ‘вищий’. А в говоре существительное с таким значением образуется от этого глагола при помощи суффикса *-чи*: *къекъеричи*. В с. Зизик слово «сковорода» имеет форму *йагълавичи* (литер. *йагълаве*), т. е. с суффиксом *-чи*, а в ялцугском переходном говоре — форму *йагълаван*, т. е. с суффиксом *-ан*.

При помощи другого азербайджанского суффикса *-миш* образуется прилагательное от слова *ухшар* — *ухшамииш*. При помощи суффикса *-ган* вместо литературного *-бан* образуется название игрушки «юла» — *къепIерган*.

Литературное *чурчул* 'ящерица' в данном говоре получает еще наращение суффикса -аг: *чурчулаг*.

Любопытно образование *бдах* 'товарищ', 'другок', 'сверстник'. Слово это встречается только в яркинском диалекте и образовано от литературного *дах* 'отец', 'старший брат' при помощи префикса -б, который в других словах не встречается и является, по всей вероятности, окаменевшим классным показателем. Слово *кгар* 'барашек в возрасте до года' в этом диалекте имеет форму *вакгар*. Начальный элемент *в-* здесь также является окаменевшим классным показателем.

Гораздо чаще встречаются в говоре слова, образованные при помощи сложения звуковых комплексов, или слова, в состав которых входят звуковые комплексы, не обладающие самостоятельным значением. В составе подобных слов могут быть и различные суффиксы словообразования, например -аг, -ан. Слова с этими суффиксами чаще всего являются названиями различных трав (*хурхунагар, гиргимачгар, кьалкьалмачгар, панахар, пушуар*), цветов и т. д., но могут встречаться и названия насекомых, птиц, предметов обихода и др.: *бибиста* 'маленький земляной жук' (литер. нет); *мизмиз* 'комар' (литер. *ветГ*); *бембецГ* 'улитка' (литер. *шуькьуьтн*); *лелев* 'шакал' (литер. *чакьал*); *джиджи* — спец. название водки в некоторых селениях, например в Нютюге; *сересер* 'балкон' (литер. *айва*, *балху*); *кхуткутГ* 'перья птицы для прокалывания тонких лавашей' (литер. *цГакхулар*); *гугуш* 'маленькая глиняная крынка' (литер. *цГиб*); *да^ндактар* 'поленья'; *хархарар* 'одно из названий кукурузы'; *хартхутн* 'ягоды тутовника'. Два последних слова распадаются на две части. В литературном языке они существуют без первой части: *харар* 'горох', *тхутн* 'тутовник'. Начальное звуко сочетание *хар* 'здесь', на наш взгляд, означает 'крупинка', 'ячейка'. Так, словами *хар хьун* или *хар-хар хьун* называют застывшее крупинками топленое масло или неразваренный рис и т. д.

Целый ряд предметов и понятий передается в говоре путем сочетания слов, из которых чаще всего одно является определяемым, другое — определением. Так, божья коровка называется *дербе^н пене* или *аллагьти цун*, что означает буквально 'дербентский жук' или 'божий бык' (литер. *шурва^н пене*, букв. 'ширванский жук'); вишня называется в говоре *ала багли* или *цуру пГини*, что означает 'голубая черешня' (азерб.) или 'кислая черешня' (литер. *шурва^н пГини*, букв. 'ширванская черешня'). Один из видов съедобной травы называется *ламра пхарсар*, букв. 'трава осла'. Хмель носит название *цъгрид мерез*, букв. 'веревка вора' (литер. названия нет). Каперсы носят название *гьуьлягьди афнилар*, т. е. 'змеиные огурцы' (литер. *пехъре хали*, букв. 'вороний арбуз'). Съедобные корни называются здесь *десе дабанар*, букв. 'верблюжьих пятки' (литер. *пне^нкьвер*). Жук медведка здесь называется *шуьшегерде^н*, букв. 'стеклянная шей' (литер. *хьипрепГ*). Белые

сладкие ягоды типа мелких фиников называются в нютюгском говоре *макъ чумалар*, букв. 'кизил из сала' или 'сальный кизил' (в литер. языке нет).

§ 22. Склонение имен. Лезгинский язык относится к числу многопадежных. В нем насчитывается 18 падежей, из которых 4 основных, или общелогических, и 14 местных¹¹.

Основным падежом в парадигме склонения, дающим начало почти всем остальным, является эргативный (или активный). Из 19 его аффиксов основными (первичными) являются -ди и -ра. Из всех аффиксов — -ди (-ци, -цГи, -чи, -чхи, -джи, -дзи, -ти, -йи, -жи, -зи), -ни, -и, -а, -у, -уь, -ра (-ре, -рав) — в нютюгском говоре не встречаются только последние четыре варианта аффикса-ди.

От эргатива образуются два общелогических падежа (дательный и родительный) и местные падежи, которые Л. И. Жирков разделил на 5 серий по три падежа в каждой. Первые три серии местных падежей образуются непосредственно от эргатива при помощи соответствующих аффиксов. Местный IV со значением 'в', 'внутри чего-л.' у части слов совпадает с эргативом (II тип склонения), у другой части различается с эргативом (I тип склонения). Но в обоих случаях этот местный IV падеж дает основу для образования последней, V серии местных падежей.

Таким образом, приняв в основном серийное деление Л. И. Жиркова и пересмотрев существующую терминологию и расположение лезгинских падежей, мы даем новую классификацию падежей нютюгского говора, которая одинакова с системой падежей во всем диалекте (см. «Таблицу системы падежей», стр. 87).

В склонении нютюгского говора наблюдаются существенные расхождения с литературным языком. Прежде всего надо отметить расхождение в формах косвенных падежей множественного числа. Все имена существительные как правило в эргативном и производных от него падежах множественного числа получают аффикс -у вместо литературного -и, причем, если слово в единственном числе оканчивалось на гласный (*ситхха* 'брат', *диде* 'мать'), то во множественном числе косвенных падежей компонент *й* аффикса множественного числа -йар (*ситххайар* 'братья', *дидейар* 'матери' и др.) не выпадает, как в литературном языке, а сохраняется и произносится очень явственно:

<i>ситххайру</i>	<i>стххаари</i>	'братья' (эрг. пад.)
<i>дидейру</i>	<i>дидеери</i>	'матери' (эрг. пад.)
<i>кхсару</i>	<i>кхсару</i>	'люди' (эрг. пад.)

¹¹ О системе склонения см.: Л. И. Ж и р к о в. Указ. соч.; У. А. М е й л а н о в а. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.

<i>кIарасарухъ</i>	<i>кIарасрихъ</i>	‘за дровами’
<i>назирруз</i>	<i>назирриз</i>	‘визирам’
<i>багъларухъ</i>	<i>багъларикъ</i>	‘под садами’
<i>малару</i>	<i>малари</i>	‘скот’ (эрг. пад.)
<i>рушару</i>	<i>рушари</i>	‘девушек’

Этому правилу (окончание эргатива мн. ч. *-у*, а не *-и*) подчиняются и слова, употребляющиеся только в форме множественного числа, т. е. оканчивающиеся на *-ар* или *-ер*: *мехъер* ‘свадьба’, *сувар* ‘праздник’ и др.:

<i>мехъерухъ</i>	<i>мехъерикъ</i>	‘на свадьбе’
<i>къуцъаруз</i>	<i>къуцъариз</i>	‘богу’
<i>ярарухъ</i>	<i>ярарикъ</i>	‘от кори’

Названия отдельных населенных пунктов в форме косвенных падежей единственного числа также получают аффикс эргативного падежа *-у* вместо литературного *-и*, не говоря уже о подобном аффиксе в формах множественного числа:

<i>КъванцIилизни</i>	<i>КъванцIилизни</i>	‘и в Канцил’
<i>зизикъру</i>	<i>зизикъри</i>	‘зизикцы’ (эрг. пад.)
<i>кушару</i>	<i>кушари</i>	‘кашкентцы’ (эрг. пад.)

Как видно из последних примеров, название села во множественном числе означает население, жителей данного селения.

В работе П. К. Услара приводятся слова в форме косвенных падежей множественного числа с аффиксом *-у* и с аффиксом *-и*. Услар замечает, что гласные *-у* и *-и* во многих случаях «безразлично могут заменять одно другое»¹². С этим положением, однако, в отношении нютюгского говора и всего яркинского диалекта нельзя согласиться, ибо аффиксы *-у* и *-и* употребляются в различных диалектах дифференцированно. В яркинском диалекте встречается только аффикс *-у*, что является как раз одной из характерных особенностей морфологии этого диалекта.

Образование исходных падежей в нютюгском говоре резко отличается от их образования в литературном лезгинском языке. Как известно, в литературном языке исходные падежи образуются от форм соответствующих местных падежей покоя при помощи аффикса *-ай*, а в произношении форматив этого аффикса *й* отпадает и за счет его отпадения увеличивается долгота предыдущего гласного. В данном говоре исходные падежи встречаются в нескольких формах, причем ни одна из них не совпадает с формой литературной.

¹² П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языковедение. Кюринский язык. Тифлис, 1896, стр. 11.

Таблица системы падежей лезгинского языка

В работе П. К. Услара	В грамматике (школьной) М. М. Гаджиева	В грамматике Л. К. Жиркова	В данной работе
Именительный	Асул падеж	Номинатив	Именительный
Творительный	Актив	Актив	Эргативный
Родительный	Талукъвиллин	Посесив	Родительный
Дательный	Гуугин	Датив	Дательный
Падеж покоя	Секнивиллин I	Локатив	Местный
	Секнивиллин II		
	Секнивиллин III	Элатив	Исходный
	Секнивиллин IV		
	Секнивиллин V	Директив	Направительный
	Къакъатулин I		
Падежи исхода	Къакъатулин II	Локатив	Местный
	Къакъатулин III		
	Къакъатулин IV	Элатив	Исходный
	Къакъатулин V		
		Арачивиллин I	Директив
	Арачивиллин II		
	Арачивиллин III		
	Арачивиллин IV		
Падежи посредства:		Локатив	Местный
	«посредства I»	Элатив	
	«посредства II»	Директив	Исходный
	«посредства III»	Локатив	
«посредства IV»	Элатив	Исходный	

падежей. Разница в этом случае только в произношении. По орфоэпическим нормам литературного языка компонент *й* аффикса *-ай* отпадает и за счет этого увеличивается долгота предыдущего гласного. В нютюгском говоре аффикс *-ай* произносится четко:

<i>чккадлай</i>	<i>чккадлаа</i>	‘с места’
<i>масабрухтай</i>	<i>масабрухтаа</i>	‘от других’
<i>кьушаркнай</i>	<i>кьушаркнаа</i>	‘из птиц’
<i>и^чса^чрукнай</i>	<i>и^чса^чрукнаа</i>	‘из людей’

И, наконец, довольно часто все склоняющиеся слова в исходных падежах употребляются с аффиксом *-ей*, что, на наш взгляд, можно считать влиянием на склонение форматива аффиксов глагольных форм на *-е* (о чем см. ниже):

<i>неджберрувей</i>	<i>неджберриваа</i>	‘от крестьян’
<i>бадбаддивей хьыз</i>	<i>бадбаддиваа хьыз</i>	‘как утка’
<i>гьабругвей</i>	<i>гьабруваа</i>	‘от них’
<i>завей</i>	<i>заваа</i>	‘с меня’, ‘от меня’
<i>нихтей</i>	<i>нихтаа</i>	‘от кого’

Ада кьакьа^ч кьасуи к I и н и к н е й кьур жаттейди хьана ‘Из под высокого каблука ее башмака мог выбежать заяц’; *Суна дивей джузур, гьадаз чьада* ‘Спроси у Суны, она знает’; *Духтирдей хтана ам* ‘Из больницы она возвратилась’; *Ругуд рипе заз ак н е й гьудей* ‘Шесть рипе [мера веса] я отдала бы от себя’ и т. д.

Итак, исходные падежи в нютюгском говоре имеют несколько аффиксов. По частоте употребления, расположить их можно так: *-аваь*, *-айь*, *-ей*, *-ай*. Таким образом, закономерная литературная форма *-ай* здесь встречается реже всех других форм. Здесь, как и в глагольных формах, мы видим явное смягчение гласных компонентов аффиксов по сравнению с соответствующими формами литературного языка. Гласный компонент аффиксов исходных падежей продвигается вперед — от заднерядного *а к э (е)* и наконец к *аь*. Это опереднение гласного (в глагольных формах вплоть до гласного *и*) мы считаем в определенной мере результатом соседства его с полугласным *й*. Однако продвижение вперед гласного компонента *а* падежных аффиксов нельзя объяснить лишь соседством полугласного *й*. Полугласный *й* в падежных аффиксах и в аффиксах некоторых глагольных форм всегда существовал и в гюнейском диалекте, ибо в первых зафиксированных примерах из речи населения бывш. гюнейского участка находим этот звук. В текстах второй половины прошлого столетия, когда не было никаких правил орфографии, записи основывались на чисто фонетическом принципе. Полугласный *й* находим в названных формах сплошь и рядом и в азбуке Казанфара и в последующих изданиях. Если бы дело заключалось только во влиянии полугласного *й*, то это отра-

зилось бы и на фонетике гюнейского диалекта, чего не произошло. В гюнейском диалекте в аффиксах четырех из пяти исходных падежей гласным компонентом является *а*.

Однако определенное влияние соседства *й* на изменение гласных компонентов исходных падежей в нютюгском говоре отрицать нельзя.

Переднерядные же гласные аффиксов исходных падежей и глагольных форм в свою очередь определяли более ясное, чем в гюнейском диалекте и литературном языке, произношение соседнего *й*.

Местный, исходный и направительный падежи I серии в литературном лезгинском языке имеют показатель *-в*, на что указывает в своих работах и П. К. Услар¹³. Однако в нютюгском говоре показателем местных падежей I серии являются звуки *-в* и *-г*, как и во всем яркинском диалекте. Звук *-в* встречается чаще и является более закономерным, чем *-г* или *-гв*, тем не менее в ряде имен и местоимений находим и последние звуки:

<i>масабругв</i>	<i>масабрув</i>	‘у других’
<i>неджберругвей</i>	<i>неджберриваа</i>	‘от крестьян’
<i>Яралидгвей</i>	<i>Яралидваа</i>	‘от Ярали’
<i>адагвей</i>	<i>адава</i>	‘от него’

Во всех односложных словах с корневым гласным переднего *а* в некоторых случаях и заднего ряда, имеющих во множественном числе аффикс *-ер* (кьва^ч ‘камень’; *кацн гачн* ‘кошка’; *кIвал* ‘дом’, ‘комната’; *кIвачн* ‘нога’ и др.) местный V падеж со значением ‘на’, ‘на поверхности’ в литературном языке образуется при помощи аффикса *-ел*, а в нютюгском говоре — аффикса *-аьл* или *-л* (звук *аь* этих аффиксов был зафиксирован еще П. К. Усларом):

1. <i>кIвачнаьл</i>	<i>кIвачнел</i>	‘на поге’
<i>кIвелаьл</i>	<i>кIвалел</i>	‘на доме’
<i>цаьл</i>	<i>цел</i>	‘на воде’
2. <i>вацIу^ч кьерял</i>	<i>вацIу^ч кьерел</i>	‘на берегу реки’
<i>рикIял аламачн</i>	<i>рикIел аламачн</i>	‘не помню’ (букв. ‘на сердце не осталось’)

Ухшарар заз кьезва, рикIял хквезвачн ‘Сходство я вижу, но не могу вспомнить’; *Кхуь к н в а ь л хьурьухь, зал ваь* ‘Вы над собой смейтесь, не надо мной’; *Им дурбу вигьена кхилигна руша^ч гъ е н а ь л и^чсанар ала, руш рекьизава* ‘Посмотрел он в (подзорную) трубу и увидел: на пороге у девушки собрались люди;

¹³ Там же, стр. 42.

девушка умирала»; *Магъини* *аваьл кыллагъ Къасум - Хуръраьл ваа хыйи* 'Расскажи начало сказки, которую (ты) слышал в Касум-Кенте'; *Къивечнаьл вучиз къвазнава?* 'Почему стоишь на ногах?'; *Вари кафар чарцаьл къхъена* (Зиз.) 'Все слова записали на бумаге'; *На къаьлди рекъида е?* 'Чем же ты убьешь?'

Отлично от литературного языка склоняется целый ряд слов — *вахт* 'время', *тхат* 'трон', *тахта* 'доска', *тум* 'хвост', *хам* 'кожа', 'шкура' и др. Все эти слова в литературном языке получают в эргативном падеже аффикс *-уни*, а в нютюгском говоре — *-уни*:

Николай тхатинлаьаь гадарна 'Николая сбросили с трона'; *Са вахти да тим гадарна залаьаь а патаяьхъ* 'Однажды (вдруг) бросил мужчину дальше меня'; *А пепеди туминла шарагарни жеда* 'У этого жука на хвосте и детеныши бывают' ('носит их на хвосте').

Любопытно отметить в данном говоре, а также во всем яркинском диалекте совпадение форм падежей эргатива и местного IV со значением 'в', 'внутри чего-л.' в целом ряде слов (*ара* 'промежуток', *ваьде* 'время', *тханхус* 'закром', *гитле* 'кувшин' и т.д.), которые в литературном языке в названных падежах имеют разные аффиксы. Известно, что по признаку совпадения или несовпадения форм этих падежей все имена в лезгинском языке делятся на два типа склонения. Ко второму, как справедливо назвал его Л. И. Жирков, архаическому типу склонения относятся слова с одинаковой формой эргатива и локатива. Это же деление на два типа склонения остается в силе и для нютюгского говора, но не во всех словах, которые в литературном языке имеют разные аффиксы эргатива и местного IV падежа.

В отдельных говорах исследованных диалектов некоторые слова имеют для эргатива и локатива один аффикс *-ди*, который в литературном языке является аффиксом лишь эргативного падежа. Аффиксом же местного IV падежа таких слов в литературном языке является *-да*.

В исследуемом говоре аффикс *-да* в ряде слов вовсе отсутствует. В обоих падежах (эргативе и местном IV) такие слова оканчиваются на *-ди*, т. е. на аффикс эргатива:

Зу гъа ваь дедди Аламшеда хъана 'Я в то время был в Аламише'; *Кхуь накъ гъи ваь дедди акъучлейбур я?* 'Вы вчера в какое время вышли?'; *Ана зи девирди и тракторрал цадалди тхехил хъайиди туми* 'В мое время, до того, как стали пахать тракторами, там пшеницы вообще не было'; *Югъ акъаттей аради, са Исрефил лугъудей тимди бангрус члугвадейла, ана цлай акъуна* 'В то время, когда кончился день и когда человек по имени Исрефил закурил папиросу, там начался пожар'; *Чни чгалар аради къенибурни ава чурубурни* 'Среди наших слов есть правильные и неправильные'.

Из приведенных примеров ясно видна замена формы местного IV падежа эргативным. Причем этому правилу подчиняются и заимствованные слова, а также отдельные слова, которые в эргативном падеже получают не только аффикс *-ди*, но и другие аффиксы — *-ни*, *-ци*:

Чни мулкъуни ятар ава 'В наших полях есть вода' ('они поливные'); *Замаска на и пхчинни тхунен?* 'Замаскуты в этой печи оставила?'; *Ам муьхци къатхъхана, хтана* 'Он полежал в сарае (саманнике) и вернулся'.

Опираясь на слова, имеющие единую форму для эргативного (активного) и локативного падежей, т. е. относящиеся ко II типу склонения, Л. И. Жирков пришел к заключению, что лезгинский эргативный (активный) падеж является формой, «исторически производной от местного падежа»¹⁴. Однако диалектные данные не подтверждают этого. Тот факт, что в словах с аффиксом эргатива *-ди*, местного IV *-да* и некоторыми другими аффиксами (эрг. *-ни*, мест. IV *-на*; эрг. *-ци*, мест. IV *-це*) формы обоих падежей совпадают в аффиксе эргативного, а не местного IV падежа, говорит о первичности именно эргативного падежа. Следовательно, и в словах типа *сала* 'огород' (эрг. и мест. IV пад.), *сикIре* 'лиса' (эрг. и мест. IV пад.) и т. д., где формы эргатива и местного IV падежа совпадают, первичной являлась форма эргативного, а не местного IV падежа. Возможно, сначала эргативный падеж выражал и значение вместилища и некоторые другие обстоятельственные значения, а затем постепенно функции эргатива дифференцировались и он выкристаллизовался как падеж подлежащего при переходных глаголах. Этот вывод подтверждается сравнением лезгинского эргативного падежа с этим же падежом других дагестанских языков, где он выражает еще ряд местных и других значений.

Слова, имеющие одинаковую форму эргатива и местного IV падежа, говорят лишь об общности форм этих двух падежей, но не о том, какая из них является первичной, а какая производной. Прояснить этот вопрос в какой-то мере помогают, как мы видим, диалектные данные. Однако для окончательного решения его необходимо посвятить этому вопросу специальное исследование.

§ 23. Образование множественного числа имен. Согласно правилу образования форм множественного числа односложных имен существительных лезгинского языка гласный аффикса множественного числа находится в прямой зависимости от гласного корня слова. Слово во множественном числе получает аффикс *-ар*, если корневой гласный у него заднего ряда, и аффикс *-ер*, если корневой гласный переднего ряда. Однако в це-

¹⁴ См.: Л. И. Жирков. Указ. соч., стр. 33—34.

лом ряде слов литературного языка мы обнаруживаем отклонение от этого правила:

Ед. ч.	Мн. ч.	
къва ^н	къванер	‘камни’
кIвачh	кIвачher	‘ноги’
кул	кулер	‘веники’
кхул	кхулер	‘гроздьи’
кIвал	кIвалер	‘дома’
ва ^н	ванер	‘звуки’

В говоре эти слова образуют множественное число по правилу, т. е. одна часть слов — при помощи суффикса *-ар* (къва^н — къванар, кул — кулар), а другая — при помощи суффикса *-ер* (кIвачh — кIвачher, кIвал — кIвалер, кхул — кхулер). В словах с аффиксом *-ер* гласный корня может переходить в *е*, т. е. происходит обратная гармония гласных: кIвачh — кIвечher; кIвал — кIвелер; кхул — кхуелер.

В нютюгском говоре можно отметить частные случаи образования множественного числа имен, оканчивающихся на гласный звук, при помощи *-р* — стянутой формы аффикса *-йар*: къвакъвар ‘терн’ (вм. къвакъвайар), чIере — чIерер ‘лоза’ (вм. чIерейар).

В самостоятельном смешанном говоре селений Гилияр и Койсун такие образования являются нормой.

Интересно образование множественного числа слова *кхиф* ‘коса’. Это слово во множественном числе имеет форму *кхиферар*, что является результатом присоединения к слову двух аффиксов множественного числа — *-ар* и *-ер*. Литературная форма *кхифер* здесь отсутствует.

В отдельных селениях говора (например, в Кашкенте и Кварчаге) нам встретилась форма *хванахвалар* — множественное число от слова *хванахва* ‘приятель’, ‘гость’, ‘кум’, образованное при помощи суффикса *-лар*, взятого из азербайджанского языка (вм. литер. *хванахвайар*).

Следует отметить, однако, что все замеченные случаи отклонений в образовании множественного числа носят частный характер. В подавляющем большинстве образование множественного числа имен подчинено правилам лезгинского литературного языка.

Слова типа *кхифер* ‘косы’ (две), *пIузар* ‘губы’ (две) являются формами двойственного числа, через которое прошли подобного рода слова на пути образования множественного числа.

§ 24. М е с т о и м е н и е. В нютюгском говоре, как и в литературном языке, имеется семь разрядов местоимений: личные, возвратные, указательные, определительные, неопределенные, вопросительные и отрицательные.

Личные местоимения говора не отличаются от личных местоимений литературного языка: *зун* ‘я’, *вун* ‘ты’, *чхун* ‘мы’, *кхуьн*

‘вы’. Конечный гласный всех этих местоимений может быть назализован, причем степень назализации по диалектам не одинакова. В нютюгском говоре она очень слабая.

В качестве личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа выступают указательные местоимения *ам* ‘он’ (‘она’, ‘оно’) и *абур* ‘они’.

В нютюгском говоре три возвратных местоимения: *жув* ‘я сам’, ‘ты сам’; *вучh* ‘он сам’; *чheb* ‘они сами’.

Указательных местоимений в говоре, как и в литературном языке, девять: *и* ‘этот’, *а* ‘тот’, *амIа* ‘тот дальний’, *аамIа* ‘тот еще более отдаленный’, *гъа* ‘тот самый’ (известный), *вини* ‘тот верхний’, *авни* ‘тот верхний отдаленный’, *агъа* ‘тот нижний’, *аагъа* ‘тот нижний отдаленный’. При самостоятельном употреблении на конце этих местоимений появляется *м*, который в косвенных падежах сменяется аффиксом субстантивации *-ди* в соответствующих падежных формах.

Аффиксами местного I падежа во всех местоимениях являются *-в* и *-г*, аффиксом местного II падежа — *-х* (вм. литер. *-хъ*), аффиксами исходных падежей — те же гласные, что и у существительных говора (см. «Склонение имен»).

Определительных местоимений три: *вири* ‘все’; *михъиз* ‘все’, ‘весь’; *гъарма* ‘каждый’.

Неопределенные местоимения: *муькхуь* ‘другой’, ‘иной’; *маса* ‘другой’, ‘прочий’; *бязи* ‘какой-то’, ‘иной’; *фла^н* ‘некий’.

Вопросительные местоимения: *вуж* ‘кто’; *вучh* ‘что’; *гъи*, *гъим* ‘который’.

Субстантивированные формы всех этих местоимений склоняются с сохранением в местных и исходных падежах тех же особенностей, что в других склоняющихся категориях.

Отрицательное местоимение *садни* ‘никто’ образуется от числительного *сад* ‘один’ и отрицательной частицы *-ни* и при склонении изменяется только в первой части, а *-ни* присоединяется к каждой падежной форме: *садани* (эрг. пад.), *садазни* (дат. пад.), *садавни* (мест. I), *садавейни* (исх. I) и т. д.

§ 25. Ч и с л и т е л ь н о е. В нютюгском говоре, как и в литературном языке, числительные делятся на количественные, порядковые, дробные и кратные (или распределительные). Система исчисления — двадцатиричная.

Расхождения в количественных числительных говора и литературного языка весьма незначительны:

<i>сад</i>	<i>сад</i>	‘один’
<i>къвед</i>	<i>къвед</i>	‘два’
<i>пуд, ипуд</i>	<i>пуд</i>	‘три’
<i>къуд, икъуд</i>	<i>къуд</i>	‘четыре’
<i>вад</i>	<i>вад</i>	‘пять’
<i>руггуд</i>	<i>ругуд</i>	‘шесть’
<i>ирид, эрид</i>	<i>ирид</i>	‘семь’

<i>муьжубд</i>	<i>муьжубд</i>	'восемь'
<i>кIубд</i>	<i>кIубд</i>	'девятъ'
<i>цIуд, ицIуд</i>	<i>цIуд</i>	'десять'
<i>цIусад и т. д.</i>	<i>цIусад</i>	'одинадцать'
<i>къад</i>	<i>къад</i>	'двадцать'

В формах числительных *ипуд* 'три', *икьуд* 'четыре' и *ицIуд* 'десять' начальный гласный, который отсутствует в литературных формах, сохранился в говоре как огласовка классного показателя. Форма числительного *йикьуд*, сохранившаяся в некоторых других лезгинских диалектах, подтверждает предположение, что начальный *йи* — слоговой классный показатель.

Порядковые числительные в говоре образуются, как и в литературном языке, сочетанием количественного числительного с причастием *лагбай* 'сказанный'; *сад лагбай* 'первый' (букв. 'один сказанный'), *кIубд лагбай* 'девятый' (букв. 'девять сказанный') и т. д. Склоняется только субстантивированная форма причастия *лагбай* — *лагбайди*, а числительное остается без изменения: *Вад лагбайдаз фу ггумир* 'Пятому не давай хлеба'.

Дробные числительные образуются описательно: числитель ставится в номинативе, знаменатель — в форме исходного III падежа: *пудахъаъ сад* 'одна треть', *вадахъаъ къвед* 'две пятых' и т. д. В говоре исходный III падеж числительного имеет те же аффиксы, что и исходный III существительного (см. особенности склонения существительных в говоре).

Кратные, или распределительные, числительные образуются путем сочетания количественного числительного со служебным словом *бара, бере* 'раз'.

В яркинском диалекте слово *бара*, сочетаясь с количественным числительным, теряет первый слог *ба* и сохраняет конечный *ра*: *къведра* 'дважды', *икьудра* 'четырежды' и т. д., в то время как в некоторых других диалектах слово *бара* сохраняется полностью или с редуцированным первым гласным: *бра* (см. курахский, докузпаринский диалекты).

§ 26. Прилагательное. Прилагательные нютюгского говора, как и литературного языка, делятся на качественные и относительные. В роли последних обычно выступают имена существительные в форме родительного падежа. Аффикс родительного падежа *-н* этих прилагательных может отпадать вместе с предшествующим гласным: *дидед(ин) перем* 'рубаха матери', *китаб-д(ин) джилд* 'обложка книги', *сикIре(н) хам* 'шкура лисы' и т. д.

Качественные прилагательные состоят из основы и аффиксов прилагательного *-ан, -и, -у, -уб* и др. В качестве основы прилагательного может выступать существительное или звуковой комплекс, не имеющий самостоятельного значения. В последнем случае мы имеем неоформленное прилагательное: *цIегъи* 'большой', *хъсан* 'хороший', *къелечI* 'тонкий' и т. д.

Однако о неоформленности подобных прилагательных можно говорить лишь применительно к современному их состоянию. Исторически все основы этих прилагательных, как и прилагательных типа *вилли* 'синий' (от *вил* 'глаз' + *-и*), *йацIу* 'полный' (от *йацI* 'полнота' + *-у*), *лацу* 'белый' (от *ладз* 'глина' + *-у*), по-видимому, были значащими словами, которые в настоящее время утратили свое самостоятельное значение.

По падежам и числам прилагательные изменяются лишь тогда, когда они субстантивированы. В говоре множественное число этих слов образовано не от форм единственного числа, а от названных форм двойственного числа: *кхиферар, нIузарар*.

§ 27. Глагол. Лезгинский глагол, как известно, не знает деления на залого. Основа лезгинского глагола к залогу нейтральна. Переходные глаголы образуют конструкцию эргативную, непереходные — номинативную. В языке есть и так называемые переходно — непереходные глаголы, которые могут одинаково сочетаться с именительным и эргативным падежом субъекта, меняя в зависимости от этого оттенок значения предложения. М. М. Гаджиев считает, что подобные глаголы в лезгинском языке могут выражать страдательное значение¹⁵.

Глагол лезгинского языка не изменяется по лицам и числам. В нем нет в настоящее время функционирующих классных показателей, но есть развитая система наклонений и временных форм, которых насчитывается до двух десятков.

Образование глагола. По своей структуре лезгинские глаголы делятся на простые (непроизводные), производные и сложные. К глаголообразующим средствам в лезгинском языке относятся и превербы, которые обнаруживаются лишь при анализе основы и в настоящее время не являются продуктивными¹⁶. Продуктивным способом образования глагола в современном литературном языке и нютюгском говоре служит способ префиксации и инфиксации.

К префиксам *-в, -г, -р* и другим, образующим глаголы с обратным, повторяющимся действием, в данном говоре прибавляется еще префикс *-д*: *дахкурук* 'отослать'.

Инфикс *-х-*, также образующий глаголы с вышеназванным значением, в нютюгском говоре встречается очень редко. Мы обнаружили его лишь в слове *ахIве^нда* 'отдаст' (литер. *ахкуда*). Слова же, которые в литературном языке могут употребляться с инфиксом *-х-* (*ахлад* 'уходи', *ахлукI* 'снова надень' и др.), в говоре с инфиксом не употребляются. Безинфиксные глаголы употребляются в двух значениях (*алад* 'иди', 'уходи', *алукI* 'надень' и 'надень снова'). Наряду с этим для выражения второго значения

¹⁵ М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка, ч. I. Простое предложение. Махачкала, 1954.

¹⁶ См.: Б. Б. Талибов. Превербы в системе лезгинского глагольного корня. «Уч. зап. ИИЯЛ». Махачкала, 1958.

в говоре употребляются и специальные слова. Так, значение глагола *ахлад* передают в говоре глаголы *хтач* и *хъвач*, причем второй глагол образован из диалектного *вач* 'иди' при помощи префикса *-хъ*.

§ 28. Глагольные времена и наклонения. Лезгинский глагол имеет семь наклонений: изъявительное, неопределенное, повелительное (желательное, запретительное), вопросительное, условное, уступительное и отрицательное.

Ряд временных форм изъявительного наклонения дает начало формам вопросительного, условного, уступительного и отрицательного наклонений. Каждое из названных наклонений образуется при помощи аффиксов, которые в основном совпадают в литературном языке и нютюгском говоре, за исключением некоторых отклонений в последнем (о чем см. ниже).

Глагольных времен в лезгинском литературном языке 13, а в нютюгском говоре — 14. Основой для образования временных форм лезгинского глагола служат инфинитив (масдар), целевая форма на *-з* и причастие прошедшего времени. От инфинитива образуется прошедшее I время с аффиксом *-на*.

Реже встречается прошедшее II на *-ра* и *-йа* (эта форма имеет место лишь в гюнейском и яркинском диалектах и стала уже архаической). От масдара образуются времена: давнопрошедшее I, давнопрошедшее II и давнопрошедшее III, а также прошедшее III. От целевой формы образуются: настоящее время I и II, три будущих времени и три прошедших несовершенных времени (см. схему образования времен глагола в литературном языке и в нютюгском говоре яркинского диалекта).

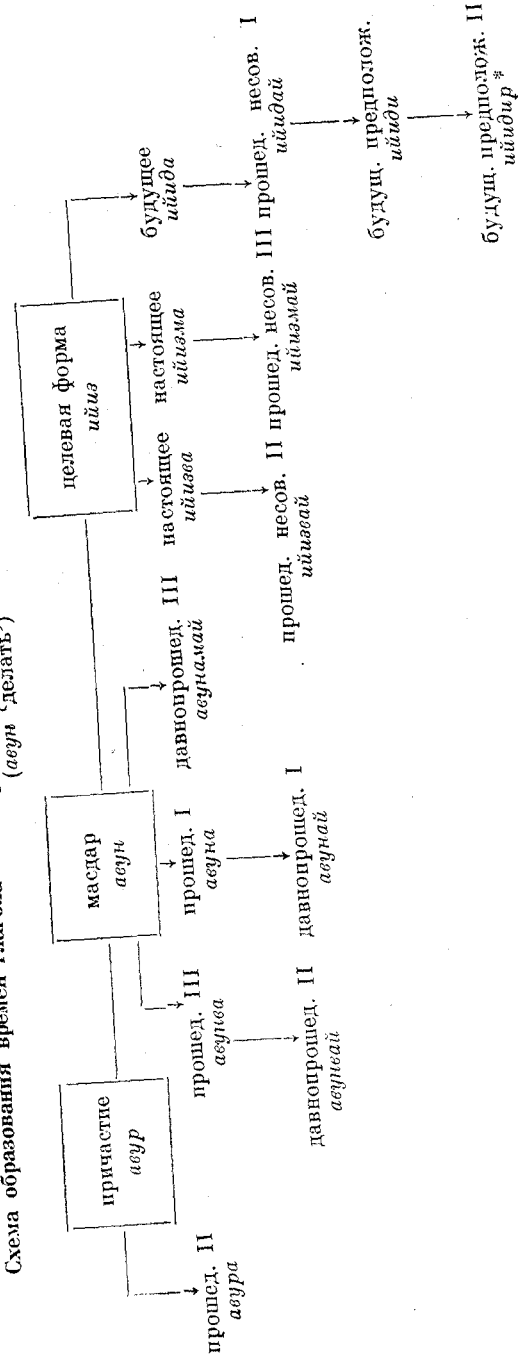
Особенности в образовании глагольных времен и наклонений нютюгского говора заключаются в следующем. Все глагольные времена, имеющие на конце звук *й*, в нютюгском говоре меняют предыдущий гласный *а* на *е*, независимо от характера корневого гласного этих глаголов, и в них ясно произносится конечный *й*. Таким образом, аффиксы этих времен получают форму *-дей*, *-вей*, *-ней* и т. д.

Конечный *й*, который в литературной речи во всех словах, в том числе и в глаголах, отпадает совсем, в нютюгском говоре произносится ясно не только на конце, но и в середине всех глаголов.

В нютюгском говоре причастия и глаголы прошедшего несовершенного I времени имеют следующую форму: *шудей* 'шел', 'ходил'; *лугьудей* 'говорил'; *кIа*дей* 'хотел', 'хотелось'; *акъваздей* 'стоял', 'ждал'; *недей* 'ел'; *гьалдардей* 'натравливал'; *жедей* 'бывало'; 'случалось'; *рахадей* 'разговаривал'; *гатгадей* 'бил', 'избивал'; *азукьардей* 'сажал'; *тхухудей* 'носил'; *акъваздей* 'стоял', 'простаивал'.

От прошедшего несовершенного I времени образуется и описательная форма прошедшего времени, выраженная причастием

Схема образования времен глагола в литературном языке и нютюгском говоре яркинского диалекта (асун 'делать')

* Эта форма — будущее предположительное II — встречается только в гюнейском и яркинском диалектах.

с глаголом-связкой *йа*: *луьудейди йа* 'говорят'; *жедейди йа* 'бывает'; *недейди туш* 'не ест', 'не едят'; *жегьдейди яни?* 'разве можно найти?'; *ахьайдейди тий* 'открывал'; *чидейди туший* 'не знал'.

Значение этой описательной формы точно выявляется из контекста: *Рушаз им чидейди туши й кьва* 'Девушка его, оказывается, не знала'; *Яд чна гьуре кь а дейди я* 'Мы воду собираем в водоеме'; *Чну абрал хь уь редейди я* 'Мы над ними смеемся (обычно)'. От прошедшего несовершенного I при помощи суффикса абстрагирования *-вал* образуются формы глаголов, семантика которых в языке очень богата и точно раскрывается только в контексте: *идейвал*, *шудейвал*, *чидейвал*, *жедейвал йа*, *акьвайвал туш* и др., например: *Ина малару не дейвал хьчар эгьечина* 'Здесь выросла трава так, что мог пастись скот'; *Мад гамши хки дейвал хьана* 'Опять стало необходимым привести буйвола' и т. д.

В данном говоре глаголы прошедшего несовершенного II времени имеют форму на *-вей*: *гузвей* 'давал'; *авазвей* 'был'; *незвей* 'ел'; *жезвей* 'получалось'; 'происходило'; *кьезвей* 'шел'; 'приходил'; *рахазвей* 'говорил'; *тхухузвей* 'нес'; *кхилизгавей* 'смотрел'.

От формы двух последних времен образуются описательные формы, значение которых точно можно определить лишь в контексте: 1) *акьуйзавейди я* 'выходит', 'растет'; *хкатиэзавейди я* 'выходил из-под'; *авазвейди я* 'находится', 'имеется'; 2) *аквазвейвал* 'как видно'; *ийизвейвал* 'делал'; 'как делал'; *шузвейвал йа* 'как идешь' и т. д.: *И чька а хь а завей тир кхи* 'Здесь это место ведь было свободно'; *Ваз аквазвейвал зазни акваза* 'Как ты видишь, так и я вижу' и т. д.

От форм прошедшего совершенного времени с аффиксом *-на* в нютюгском говоре яркинского диалекта при помощи *-й* образуется давнопрошедшее совершенное время глагола: *кьней* 'умер'; *шаней* 'пошел'; *лагьаней* 'сказал'; *ракьурней* 'послал'; *акуней* 'увидел'; *авуней* 'сделал'; *хьаней* 'был'; 'случилось' и т. д.

Глаголы давнопрошедшего II результативного времени, образованные при помощи *-й* от форм прошедшего III с аффиксом *-вай*, имеют аффикс *-вей*; причем в глаголе не редуцируется гласный *а* — компонент аффикса прошедшего времени, от которого образуется данное время: *тхуькгуьрнавей* 'приготовил'; *тхуькунавей* 'зарезал'; 'заколол'; *кьनावей* 'умер'; 'убил'; *дахьанавей* 'не произошло'; 'не было'; *хьанавей* 'случилось'; 'произошло'; 'было'; *цгуьрунавей* 'растопил'; *ганавей* 'дал'; *азукьनावей* 'сидел'; *тгуьнавей* 'сбел' и т. д.

Так же, как было сказано выше, от этих глаголов образуются описательные глагольные формы: *атанвейди йа* 'пришел', *тхуькгуьрнавейвал* 'как приготовить' и др.:

Кьуьр хьана чхала тарци кгуьк не дейди 'Заяц был такой (величины), что мог грызть верхушку тополя'; *А вавьеди цхуьквер ни цадей, зи ггуьмуьр бадгьава шейди йа* 'В то время кто

сажал цветы! Жизнь моя прошла даром'; *Иливар те жейди шей хун тавурей* 'То, что не в состоянии перенести, пусть не пьет'; *И гуьзгуьди гьунар ам йа, кьейидал чак гь и дейди йа* 'Ценность этого зеркала была в том, что оно могло оживлять умершего'; *Бакла са заьтхина ирид эжук, ирид са рекьиз шудейди хьана* 'Лошадь была такая, что могла в час проделать семилетний путь'; *Заз кгарачнар тхуькгуьрдей гьалда айа* 'Сделай так, чтоб мне достали дрова'; *Ам хьвехь тхухузвейдейди йа* 'Он женится' (букв. 'он тот, кто берет невесту'); *Зи руша кивелиз хтанавей* 'В дом моей дочери приехали'; *Адаз пхул джа гьаней жал?* 'Нашел ли он денег?'

Таким образом, гласный компонент *е* вместо литературного *а* во всех охарактеризованных выше глагольных формах является закономерностью нютюгского говора. Однако необходимо отметить, что по отдельным населенным пунктам в редких случаях можно встретить и литературные формы названных выше глагольных образований, что мы объясняем влиянием литературного языка. Приведем несколько примеров, записанных нами в Нютюге, Кварчаге; Зизике и Куркенте:

Кивалах и завайди гьам я 'Работу-то делает он'; *Са кьуйу ягьайтга, ина яд жейди й* 'Если бы вырыли колодец, здесь была бы вода'; *Ада кьве хвани даьведа кьенавай* 'Оба ее сына погибли на фронте'; *Зу Мехид хьайла, заз чир жешни?* 'Если я старший, неужели я не буду знать?'

Следует отметить еще одно, на наш взгляд, важное обстоятельство, проливающее свет на путь развития аффиксов соответствующих глагольных форм. Дело в том, что в речи с. Зизик некоторые из названных выше глагольных форм с гласным компонентом *е* в аффиксе имеют параллельные формы с гласным *и*. В 1961 г. мы записали целый ряд подобных форм, преобладающее большинство которых падает на причастие настоящего времени на *-дий* (литер. *-дай*) и производные от него формы, а также на форму прошедшего II времени:

Джуьрба джуьр луьудий бур за ваз кьад кхас акьуди 'Я тебе достану двадцать человек, говорящих по-разному'; *Кьула кхутгуьк дий са патал мурдз алайди гьанефа йа* 'Привязываемый к поясу и заостренный с одной стороны топорик называется ганефа'; *Чназ хвадий яд авач, абуруз дигидий яд авач* 'У нас нет воды для питья, а у них — для орошения'; *Ггамар храдидий артел хканава чна* 'Мы вернули (сюда) ковроткацкую артель'; *За гьамшиа кгазар кьадидий я* 'Я всегда развожу тутового шелкопряда'; *Наадаз гьикла гьаний?* 'Как ты ему говорила?'; *Гьа гьам кьений, на вучидей?* 'Если бы он умер, что бы ты делал?'

Подобные формы не встречаются в других населенных пунктах и здесь употребляются не всегда, а факультативно, наряду с соответствующими формами на *-дей*.

Итак, в глагольных аффиксах *-ей*, *-ий*, как и в разобранных нами падежных формах, происходит изменение ряда и подъема гласного компонента. Выше, относительно исходных падежей, мы высказали предположение, что в аффиксе этих падежей в нютюгском говоре происходит продвижение вперед ряда образования гласного. Подобное же предположение можно высказать и в отношении анализируемых глагольных форм, тем более, что здесь этот процесс завершен полностью в зизикских формах на *-ий*. В данном аффиксе гласный компонент *a* перешел в переднерядный верхнеподъемный *и*. Процесс шел так: $a > aь > e > и$.

Остался незатронутым, однако, другой важный вопрос — хронология этого процесса. Что было раньше во всех этих формах — аффикс — *-ай* или *-ей*? Предшествовал ли аффикс *-ий* названным аффиксам *-ей*, *-ай*, или это явление позднейшее, как бы завершение процесса?

Можно предположить, что яркинские формы на *-ей* и *-ий* (отсюда *-аьй*, *-еь*, *-аьаь*) являются более поздними по сравнению с литературными *-ай*, *-аь*. Яркинские формы с переднерядным гласным есть в определенной мере результат соседства этих гласных с полугласным *й*, как и в аффиксах исходных падежей.

В нютюгском говоре имеется еще одно время глагола. В условных предложениях для выражения ирреальности условий употребляется будущее предположительное II (что мы обнаружили еще только в гюнейском диалекте): *гудир* 'дал бы'; *къведир* 'пришел бы'. В нютюгском говоре формы этого времени образуются наращением не звука *p*, а звука *й*: *гудий* 'дал бы'; *къведий* 'пришел бы'; *аьлкъурдий* 'повернул бы'; *шудий* 'пошел бы' и т. д. Следует заметить, что в говоре могут употребляться обе формы будущего предположительного при ирреальном условии.

Звуки *p* и *й* могут чередоваться и в глагольной связке *тир* 'было' (прошедшее время от *йа* 'есть'): *Чи шайи са^н дахутхар* *хъсе^н тий* 'Прошлогодние наши доходы были хороши'.

Условное наклонение глагола и формы временного подчинения. От всех вышеназванных времен глагола при помощи аффикса *-тIа* образуются формы условного наклонения, а также временные формы глагола и, по терминологии проф. Л. И. Жиркова, формы временного подчинения. В зависимости от того, какое из времен глагола послужило основой образования данной формы, она соответственно меняет оттенок своего значения

Форма условного наклонения

Говор	Литер. яз.	Условное реальное
<i>кхилигейтIа</i>	<i>кхилигаатIа</i>	'если посмотрит'
<i>кхуньхейтIа</i>	<i>кхуньхгаатIа</i>	'если украдет'

<i>жедетIа</i>	<i>жедатIа</i>	'если будет'
<i>гьалтхейтIа</i>	<i>гьалтхаатIа</i>	'если встретит'
<i>легьейтIа</i>	<i>лагьаатIа</i>	'если скажет'
<i>лагьайтIа</i>		
<i>атейтIа</i>	<i>атаатIа</i>	'если придет'

Условное ирреальное

<i>кхилигнейтIа</i>	<i>кхилигнаатIа</i>	'если бы посмотрел'
<i>хьанейтIа</i>	<i>хьанаатIа</i>	'если бы было'
<i>атанейтIа</i>	<i>атанаатIа</i>	'если бы пришел'
<i>акъуднейтIа</i>	<i>акъуднаатIа</i>	'если бы вынул'

Форма временного подчинения

Прошедшее время

<i>акъучIдейла</i>	<i>экъечIдаала</i>	'когда выходил'
<i>хкведейла</i>	<i>хкведаала</i>	'когда приходил'
<i>лугьудейла</i>	<i>лугьудаала</i>	'когда говорил'

Будущее время

<i>хтейла</i>	<i>хтаала</i>	'когда придет'
<i>легьейла</i>	<i>лагьаала</i>	'когда скажет'
<i>ацукъейла</i>	<i>ацукъаала</i>	'когда сядет'

Отрицательное наклонение глагола. Отрицательное наклонение образуется от всех временных форм при помощи аффикса *-чh*. В отдельных глаголах нютюгского говора вместо обычного аффикса отрицания *-чh* находим аффикс *-ш*: *Амани амашни заз ч и д е ч h* 'Я не знаю, осталось или нет'; *И кIва-лах вавай же дешни?* 'Ты это дело не сможешь сделать?' Но аффикс *-ш* для нютюгского говора не характерен. Закономернее здесь употребление при отрицании аффикса *-чh*.

Конечный гласный *a* глаголов будущего времени при отрицании меняется на *e*: *чидечh* 'не знает'; *жедеш*, *жедечh* 'не будет'; 'не произойдет'; *ийидечh* 'не сделает'; *шудечh* 'не пойдет' и т. д.

Вопросительное наклонение глагола. В нютюгском говоре, как и в литературном языке, вопросительное наклонение как правило образуется присоединением к любой из форм глагольных времен вопросительной частицы-аффикса *-ни*: *къведени?* 'пойдешь ли?'; *атанани?* 'пришел ли?'; *атанайни?* 'приходил ли?'; *атаначhни?* 'не пришел ли?' и т. д. Отклонением от литературной нормы здесь, так же как и в других глагольных формах, является замена в некоторых вопросительных формах гласного *a*, предшествующего вопросительной частице *-ни*, гласным *e*.

Но в целом ряде населенных пунктов говора вопросительная частица *-ни* отпадает и вопрос передается интонацией: *къведе?*

‘придет ли?’, *шане?* ‘пошел ли?’, *авуне, уне* ‘сделал ли?’, *тIуне?* ‘съел ли?’ и др.

Повелительное наклонение глагола. Повелительное наклонение глагола в нютюгском говоре образуется неоднотипно. В зависимости от способа образования повелительного наклонения лезгинский глагол делится на группы, которых около десяти¹⁷. В нютюгском говоре повелительное наклонение образуется в основном по тем же правилам, что и в литературном языке, правда с некоторыми отклонениями. Так, некоторые глаголы, основа которых оканчивается на согласный *д*, такие, как *авудун* ‘спустить’, *акьудун* ‘вынуть’, *хьудун* ‘высвободить’, *кьа-кьудун* ‘разнять’ и другие, во II лице повелительного наклонения в литературном языке выступают в форме чистой основы: *авуд*, *акьуд*, *хьуд*. В нютюгском же говоре эти глаголы в повелительном наклонении принимают аффикс *-ур*: *авудур*, *акьудур*, *хьудур*. По аналогии с глаголами этого типа образуется в говоре и форма повелительного наклонения от *акун* ‘видеть’. В литературном языке повелительная форма этого глагола *аку*, а в говоре—*акур*.

Форма повелительного наклонения для III лица или повелительно-разрешительная форма всех глаголов в литературном языке образуется от масдара, или инфинитивной формы глагола, путем замены конечного *н* аффиксом *-рай*: *авурай* ‘пусть сделает’, *кьачьурай* ‘пусть возьмет’, *лугьурай* ‘пусть скажет’ и т. д.

В говоре гласный компонент *а* данного аффикса переходит в повелительном наклонении в *е*: *авурей* ‘пусть делает’, *кьачьурей* ‘пусть берет’, *шун тавурей* ‘пусть не идет’, *тIурей* ‘пусть ест’, *акурей* ‘пусть видит’ и т. д.

Кроме этой формы в говоре употребляется и другая, сокращенная, которая образуется путем замены конечного *н* основной формы глагола звуком *й*: *лугьуй* ‘пусть скажет’, *атуй* ‘пусть придет’, *кьатькьуй* ‘пусть ляжет’ и т. д. Она, наряду с формой на *-рай*, встречается и в некоторых других диалектах.

Интересно отметить, что повелительно-разрешительная форма от вспомогательного глагола *хьун* ‘быть’, ‘случиться’, ‘произойти’ часто выступает в сокращенной форме *хьу*, теряя аффиксы полной формы *-рей* и *-й*, например: *Кьайгьу туш, метлеб кьхидей каф хьу кьтабди кьене* ‘Ничего, лишь бы были слова для книги’.

§ 29. Сложные глаголы. Сложными, или составными глаголами принято называть сочетания, состоящие из именной и глагольной части и выражающие определенное действие. Многие из таких сочетаний, в состав которых входят именная часть и вспомогательные глаголы, в лезгинском литературном языке слились настолько, что образовали монолитные слова, простые глаголы: *кIелун* ‘читать’, ‘учиться’; *чьукьун* ‘говорить’, ‘делать замечание’, ‘указать’; *чьукьурун* ‘бежать’, ‘выгнать’ и др.

¹⁷ См.: У. А. Мейланова. Типы образования повелительных форм глагола в лезгинском языке. «Языки Дагестана», вып. II. Махачкала, 1954.

В нютюгском говоре наблюдается тенденция к разъединению сложных глаголов на их составные части (к раздельному их произношению):

Яд гьиз ава чьна са йаргьаьй ‘Воду мы приносим издалека’; *Гьила са кьастизни чькь авачь* ‘Теперь никому нет препятствий (нет замечаний)’; *Яд алахьна шузмачь, гьатх хьана бьтIрукь — муьтIрукьни* ‘Вода не вытекает, завелись (в ней) черви и прочее’.

Можно назвать также глаголы *кIел уна*, *кIел идайвал* ‘учиться’, ‘чтоб учился’; *аваз ава*, *амаз ама* ‘есть’, ‘есть еще’ и др.

В диалекте имеется также ряд сложных глаголов, отличных от литературных: *кьичIе гун*, *кьичIе гьиче*, ‘пугать’, ‘пугай’ (литер. *кьичIерар гун*), а в некоторых селениях, например в Зизике и Кварчаге, говорят *яб кьалпнаь* ‘слушай’ (литер. *яб акьал*, *яб чье*); *кIеле хьана* ‘услышал’ (литер. *ва^н хьана*, *хабар хьана*); *дем язавей* ‘отдыхал’ (литер. *ял язаваа*).

§ 30. Причастие. В функции причастия в лезгинском языке выступают глагольные времена с аффиксом *-ай*, а в этом говоре—больше с *-ей*, и формы на *-ди*, о которых было сказано выше. Поэтому нет надобности останавливаться на характеристике отличий причастий диалекта. Приведем ряд примеров причастий различных времен и значений:

Идакь кьилигейтIа, тIнукIунавей са кьаз кьва ‘Посмотрел туда (в котел), там зарезанный гусь лежит’; *Ам кьацу кье^н галай хьутьIуь^н халатий* ‘Это был арбуз с зеленой плетью’; *Нед ей пне^нкьвер авейди я* ‘Съедобные коренья есть (растут у нас)’; *Ам Дилбер алей чькадал шана* ‘Он пошел на место, где была Дилбер’; *Кьама твадей рекьер кьачьуна рушаруз* ‘Девушкам кунил головные гребни’ (букв. ‘вкладываемые в затылок’); *Танар а рдей да кьачунвейди вучь я?* ‘Что взял этот лгун?’ (букв. ‘обманывающий’, ‘лгущий’).

Сочетания *кьеневейди я* ‘внутренний’ (‘находящийся внутри’); *атейди яла* ‘говорят, что пришедший’; 1929 *легьей суз...* ‘в 1929 году’ (букв. ‘1929 сказанном году’); *чIурей регьве* ‘на испорченной мельнице’; *илаьчIдей чька* ‘переход’ (букв. ‘переходящее место’, ‘место для перехода’) и т. д.

Специфическим для данного говора, а также для всего диалекта является многозначный глагол *йаьаьн* ‘бить’ (литер. *ягьун*, у Услара *йэн*), который образует причастия при помощи аффикса *-р* или аффикса *-и* после сокращенной формы.

Чьни штаб йаьаьрай чькадал авурди йалдей ам ‘Говорят он (минарет) построен там, где разбили штаб’ (букв. ‘штаб на разбитом месте’); *Сурахь кьва^н йаьаьри кьас авачь* ‘Нет человека, который установил бы надмогильный камень’ (букв. ‘камень ставящий человек’); *Пшинеяр йэй шаламарни алаз Дербекдиз шудей* ‘Ходили в Дербент в залатанных чарыках’; *Гьа ра^нгар йэй бур чьу я* ‘Это мы выкрасили’ (букв. ‘эти краски намазавшие мы есть’) и др.

§ 31. Служебные и модальные слова. В этом разделе объединен ряд специфических для нютюгского говора слов, играющих в предложении служебную роль или выражающих в основном модальность.

Во всем яркинском диалекте употребляется вопросительная частица *гьи^{гь}*, соответствующая литературному *гьай*, что означает отклик на зов, приблизительно русское 'да', 'что'. Слово *гьи^{гь}* столь характерно, что подчас по одному этому слову можно определить, что говорящий является представителем именно яркин-ского диалекта. Вопросительная частица *гьи^{гь}* произносится с носовым оттенком гласного *и* и с усилением конечного гортанного *гь*.

Цитатная частица *хьи*, соответствующая приблизительно русским 'же', 'ведь' и т. д., в нютюгском говоре имеет форму *кхи*: *Са шикхилар ада йаьаьда кхи* 'Он такие красивые рисунки делает'; *Ву гьилани ина ама кхи* 'Ты до сих пор здесь остался, оказываешься!'

Любопытно отметить наличие в нютюгском говоре послелога *пакув* (от слова *пагв* 'ребро'), который в литературном языке и в гюнейском диалекте отсутствует. Послелог этот образован по аналогии с литературным послелогом *кьвалав* (от слова *кьвал* 'бок') означаящим 'вблизи', 'сбоку'. *Пакув* имеет то же значение и образование. Послелог *кьвалав* также употребляется в говоре и может заменять *пакув*: *Ам халад пакув е й хтайди йа* 'Она возвратилась от тетки'; *Ву зи пакув ацукьа* 'Ты садись рядом со мной' (букв. 'у моего ребра').

Эти предложения могут быть употреблены и с синонимичными послелогом *патав*, *мукьув* 'у', 'около'.

Вместе с послелогом *патал* 'ради', 'для', 'из-за' в говоре, как и в диалекте, употребляется и послелог *себератхди*, который имеет сходство и, по-видимому, этимологически связан с союзным словом *себ* 'яз' 'по причине', 'из-за' 'за': *Им себератхди адавей итим кьи^{гь} хьана* 'Из-за него он убил человека' (непреднамеренно).

Нужно заметить, однако, что послелог этот заимствованный, встречается довольно редко и, надо полагать, выходит из употребления.

К служебным словам относится также и характерное для всего яркин-ского диалекта слово *стлу*, которое иногда произносится как *стлу^{гь}* (с носовым оттенком гласного *у*). Наречие *стлу* соответствует литературным *гьич* и *буьркхуьлли*, что означает 'совсем', 'ни в коей мере', 'ни в какой степени'. Возможно, слово это происходит от лезгинского слова *стгал* 'капля', *стгални* 'ни капли', 'нисколько'. В литературном языке его место заняли слова, заимствованные из азербайджанского (*гьич*) и арабского (*буьркхуьлли*) языков. Приведем примеры на употребление данного слова:

Стлу ва^{гь} дахьай эхмилатхар гадаяруз чир жеда 'Мальчики узнают неслыханные вещи'; *Ваз ам стлу акуначни?* 'Ты его совсем не видел?'

В нютюгском говоре имеется ряд слов и сочетаний, которые следует отнести к модальным. Слова эти интересны тем, что являются достоянием только данного диалекта и подчас не имеют себе никаких параллелей в литературном языке. Для выражения оттенков значений, которые передаются этими словами, в литературном языке используются местоимения, глагольные формы и т. д.

Так, в нютюгском говоре часто употребляется слово *авуч*, значение которого трудно передать по-русски и которое не имеет синонима в литературном лезгинском языке. Это слово употребляется тогда, когда говорящий не сразу находит нужное название того, о чем он хочет сказать. Значение этого слова можно приблизительно передать словами: «да вот это», «как его» и др.:

Атла, авуч, *чи квалер чидани ваз?* 'Да вот это, наш дом, ты знаешь?'; *Гьила, авуч*, *шаламар алай кхас амач* *кхи* 'Теперь, как их, чарьки¹⁸ никто не носит' и т. д.

В литературном языке в этом значении чаще всего употребляется вопросительное местоимение с глагольной связкой *тир*: *вуч* *тир*, *вуч* *тир* *е?* Слово *авуч* по происхождению также близко литературному *вуч* *тир*, ибо оно состоит из двух местоимений: указательного местоимения *а* 'тот' и вопросительного *вуч* 'что?'

Очень близко к данному слову по значению слово *эке* 'там', 'где-то'. Слово это употребляется, когда говорящий хочет назвать место, куда ходил, или место, где что-либо находится. Слово легко изменяется по местным падежам. Образовано оно из вопросительного местоимения *кве* 'в чем' и указательного местоимения *а* 'тот' (последнее может произноситься в этом случае как *э*).

Кхихьейди гваз зу хьшудей, экуьз, микхтабдиз 'С этим написанным я уходила туда, как ее, в школу'; *Атла, эке ваа вирт* *цхе чхаз* 'Дай нам мед, находящийся там где-то'; *Балла са заьтхина ирид экуь^{гь}*, *ирид са^{гь} рекъиз шудейди йа* 'Лошадь в один час проходит примерно семилетний путь'.

В говоре находим союзное слово *гьилди* от слова *гьил* 'рука', которое употребляется в придаточных предложениях времени и соответствует русскому 'когда'. В литературном языке значение это передается глагольной формой на *-ла*.

Ада гьуьлуьз хкадрай гь и л д и, *чхаз язух атаней* 'Когда он прыгнул в море, нам стало жаль (его)'; *Тхухвай кьара са пуд йис хьана тлаз дарманар аггур гь и л д и хьсе^{гь} хьана* 'Как вышла замуж (она), года три болела, когда стали лечить, поправилась'.

В данном говоре яркин-ского диалекта употребляется ряд междометий, не встречающихся в литературном языке. Так, напри-

¹⁸ Чарьки — вид горской обуви из сыромятной кожи.

мер, для выражения недоверия или сомнения употребляется выражение *гъа дуе* или *гъа дава*, равнозначное литературному *дугъридани*, означающее приблизительно 'право', 'неужели'. Чаще употребляют эти выражения как ответ на какое-либо высказывание, которое слушающий подвергает сомнению: *Зунни шуда гъа. Гъа дуе?* 'Я тоже пойду. — Неужели? (вряд ли)'.¹⁹

Для выражения определенных аффектов иногда в говоре употребляют и заимствованные слова. Так, слово *вахсей!* — возглас печали и крайнего удивления, *гъелебере?* — удивления и недоверия.

Синтаксис

В синтаксисе нютюгского говора имеются все категории, характерные для синтаксиса литературного языка: те же формы связи слов, те же типы предложений и словосочетаний, те же способы выражения субъектно-объектных и предикативных отношений и т. д., известные в науке по работам М. М. Гаджиева о лезгинском синтаксисе¹⁹.

Из особенностей синтаксического порядка в нютюгском говоре, как и во всем яркинском диалекте, мы обнаружили всего лишь несколько случаев иных глагольных управлений.

§ 32. Управление глаголов. Глагол *кIа^н хьун* 'любить', 'хотеть' требует обычно дательного падежа субъекта. В данном говоре встречаются случаи, когда этот глагол управляет эргативным падежом: *За ам ШаракIунтIдиз тхухуз кIа^нзава* 'Я хочу его повезти в Шаракунт' (Шаракунт — название местности).

Глагол *зверун* 'звать' требует дательного падежа объекта; в данном говоре при этом глаголе стоит объект действия в именительном падеже: *ЧIна рушар, хьухъвер микIтабаруз ивердей* 'Мы звали девушек и молодых женщин в школы'.

Выражение *дуьшуьш атун* 'случиться беде', 'испытать какое-л. несчастье' и т. д. как сложный глагол требует местного V падежа субъекта со значением 'на чем-л.' 'на поверхности чего-л.'. В говоре же с этим глаголом употребляется местный III падеж со значением 'под чем-л.': *Улдашар, кIвекI гьикIва дуьшуьшар атайтIани, за спелрилай гьил* 'Друзья, сколько бы бед вы ни терпели, когда я поглажу свои усы, вы от всего освободитесь'.

В селении Куркент мы обнаружили необычное для литературного языка согласование в числе определения, выраженного числительным, с определяемым: *Заз пуд гадаяр авей* 'У меня было трое сыновей'.

¹⁹ См.: М. М. Гаджиев. Указ. соч., ч. I—II.

Лексика

Нютюгский говор яркинского диалекта, используя в основном словарный фонд лезгинского языка, имеет с ним расхождения в целом ряде слов. По характеру расхождений эти слова можно разбить на несколько групп.

§ 33. Самой многочисленной является группа, куда входят слова, одинаковые по значению с подобными словами литературного языка, но с отклонениями в своем звуковом составе. В эту же группу можно включить и различные заимствования: более древний слой — арабизмы, персизмы и тюркизмы — и новые заимствования — русизмы. Значение последних для лексики диалекта велико, ибо за счет постоянного их притока обогащается диалект, в то время как арабо-персидские заимствования в настоящее время притока в диалект не имеют; часть из них стареет и выходит из употребления. Поэтому в диалекте встречаются и архаизмы, особенно термины религиозных культов, старинные собственные имена и т. д.

Приведем некоторые примеры, характеризующие эту группу слов:

Говор	Литер. яз.	
<i>чIурчулаг</i>	<i>чIурчул</i>	'ящерица'
<i>гIараба</i>	<i>араба</i>	'арба'
<i>бегъремар</i>	<i>перемар</i>	'рубашки'
<i>гъеракъ</i>	<i>эрекъ</i>	'водка'
<i>вердег</i>	<i>уърдег</i>	'утка'
<i>гIацI</i>	<i>гъецI</i>	'годовалый козленок'
<i>пIерле^нг</i>	<i>пIеле^нг</i>	'тигр'
<i>тIар</i>	<i>тIвар</i>	'имя'
<i>гъуър</i>	<i>виr</i>	'озеро'
<i>неджбер</i>	<i>лежбер</i>	'крестьянин'
<i>мурдал</i>	<i>мурдар</i>	'змея', 'нечисть'
<i>гъавл</i>	<i>звал</i>	'кипение'
<i>гацI</i>	<i>кацI</i>	'кошка'
<i>уьхьуьз, йуьхь</i>	<i>йифиз, йиф</i>	'ночью', 'ночь'

Группа эта очень большая, в нее входят также слова, приведенные в разделах о звуковых соответствиях между диалектом и литературным языком.

§ 34. Вторая по объему и значению группа — это слова, которые в литературном языке соответствуют совсем иные слова.

Говор	Литер. яз.	
<i>кIурамул</i>	<i>руьцI</i>	'уж'
<i>ала баъли</i>	<i>шурва^н пIили</i>	'вишня'
<i>цуру пIили</i>		
<i>шурва^н пIили</i>		
<i>хьуъркъуьл чIка</i>	<i>дегъне чIка</i>	'глубокое место'

Говор	Литер. яз.	
кГумнар	хкар	'деревянные колья'
да ^а дагар	{ тхурушар чаталар	'палки, поддер- живающие лозы'
парце ава	{ руфунал зала ^а я бугъаз я	'беременная'
кхала	банка	'банка'
кхерпхит	спичкаяр	'спички'
атГрага ^а	акъреб	'скорпион'
шувшегерде ^а	хъипренI	'медведка'
аллагъти яцх }	шурва ^а пепе	'божья коровка'
дербе ^а пепе }	чГуру чГере	'хмель'
угърид мерез	пехъре халияр	'каперсы'
гъуьлягъди афниляр	муьтквер тар	'елка'
мукГраг	пIунI	'угол'
муртI	ништIерар	'перочинный нож'
чакъу }	киредж	'известка'
миштIер }	гъаргъалаг	'скребок'
гъакх (Квар.)	сукIра	'пиала'
астам (Квар.)	кур	'миска'
фикIре (Кур.-К.)	дурна	'журавль'
бекъе	малла кхуткутI	'удод'
къарни	кишяр	'лапша'
малла несре	ветI	'комар'
пхурцар	шувъкъу ^а тх	'улитка'
мизмиз	айва ^а , балху ^а	'балкон'
бембецI	чхи чIекар	'лук'
сересер	кхуркIвачIар	'вид съедобной травы'
хивецIар		
джилазтияр		
пнейгъамбарар }	гъаджибугъда	'кукуруза'
шагъбугъда }		
хархарар }		
шагъд къуьмер }		
гъаджибугъда }		
га ^а давуш	серкIвер	'бузина'
метхъгъар	запазар	'поперечные бал- ки для крыш на стройке'
цIах }	къар	'грязь'
къар }	хабар хъана	'услышал', 'узнал'
кIеле хъана		
тIе ^а къуьл }	чIемерух	'лук (для стрель- бы'
чIемерух }		

Говор	Литер. яз.	
арсе ^а }	гъаргъалаг	'лопаточка для очистки посуды от теста'
астIам }		
гъаштерханар }	уь ^а дуьшкаяр	'индейки'
гъуь ^а дуьшкаяр }	мертхер	'барбарис'
зиришар	шутIар	'клопы'
тхатхабитхер	бурж	'долг'
дилекх }	йаб цхе	'слушай'
бурдж }	экъуьгъзава	'ругает'
геллаъаь	ял азава	'отдыхает'
исебзава		
дем язава	эркхекх аял	'калина'
ругул аял }	чIухлумIар	'перья птицы для выделывания узоров на хлебе'
эркхекх аял }	цIакхулар (факх экхисдай)	'тутовник черный'
марцIар		'пожик при кин- жале'
кхуткутI	ципхренIар	'съедобные ко- ренья'
	къакъу ^а чхкIул	'рашпиль'
цемцер		
кхерде чхкIул	{ пне ^а къвер }	'водка'
	{ яралмаяр }	'оводы'
деведабанар	тхерефила	
цирипхул	эрекъ	
джиджи }	бувунар	
гъеракъ }		
бугъуяр }		
джугуляр }		

§ 35. Третья группа включает в себя слова, звучащие одинаково, но по значению или совсем различные в литературном языке и диалекте, или имеющие в последнем дополнительные значения.

Слово	В говоре	В литер. яз.
акъакъу ^а	'успеть', 'сделать'	'быть в состоянии сделать что-л.'
хемир	'тесто'	'дрожжи'
дев	'вид паука'	'див', 'великан', 'дракон'
хъипренI	'рак'	'медведка'
хурли ^а кI	'водяная птица'	'водяная ящерица'
къиф, къуьхъ	'мышь', 'лейка'	'мышь'
эркхе ^а	'парус', 'полотно, на чем трусят ягоды'	'парус'

Слово	В говоре	В литер. яз.
<i>чеквер</i>	‘муравьи’, ‘ранний возраст шелковичных червей’	‘муравьи’
<i>кхватһу^н</i>	‘родиться’, ‘появиться’, ‘очутиться’	‘родиться’
<i>аш</i>	‘плов’, ‘каша’	‘плов’
<i>тһав</i>	‘камин’, ‘дымоход’	‘дымоход’
<i>гьаргьалаг</i>	‘катор для укатки глиняных крыш’	‘лопаточка для очистки посуды от теста’
<i>бере</i>	‘время’, ‘период’, ‘стойло для овец’	‘время’, ‘период’, ‘место дойки овец’

§ 36. Четвертая группа — это слова, которых нет в литературном языке и которые не имеют эквивалентов. Слова эти являются принадлежностью только исследуемого диалекта, за счет них может обогащаться литературный язык: *кһсуьсар* ‘бранное слово на детей’, *биби хатһу^н*, *бибиста^н* ‘вид земляных жуков’, *бдах* ‘однокашник’, ‘приятель’, *гизирчи* (азерб.) ‘полевой караул’, ‘объездчик на ниве’, *кьарактулах* ‘вурдалак’, *кһавушар* ‘вид деревянных башмаков’, *хче* ‘бурдюк из шкуры ягненка’, *гууш* ‘вид маленьких глиняных крынок’, *марцар* (кроме *мертер*) ‘вид лесных ягод’, *хамзар* ‘вид ягод типа ежевики’, *макь чумалар* ‘вид ягод типа кизила’, *муьруь кларас* ‘кусты, где растут ягоды *марцар*’, *ала кьавах*, *иши кьавах* ‘вид осины’, *хьвед*, *хьуьтер* ‘сады перед селением’, *хьиф* ‘шелуха назлаках (пшеницы) полба’, виды съедобных трав: *ламра пһарсар*, *кьаджалар*, *нанатар*, *келекемацар*, *буьшкӱьнар*, *кьевеар*; виды несъедобных трав: *кьиджияр*, *уьзвеликһар*, *кӱьркӱьлар*, *деведабанар*.

В Нютюге, где издавна занимались возделыванием винограда, насчитывается до десяти его сортов: *кьериджар*, *кһуьшмуьш цһипицӱгар*, *кьуьркһуьмар*, *гилишмаяр*, *пһурниар* (*йуру икһебур*), *иршибаяр*, *чӱулав цһипицӱгар*, *луцу цһипицӱгар* и т. д.

§ 37. И, наконец, можно выделить слова, являющиеся характерными только для данного диалекта.

Слова эти подчас имеют отклонения от подобных слов литературного языка только в отдельных звуках и поэтому их можно было бы включить в первую нашу группу. Однако мы не делаем этого потому, что они являются специфичными именно для яркинского диалекта и характеризуют его лексику в отличие от литературного языка и всех других диалектов. По одному, двум из данных слов каждый лезгин может сразу определить принадлежность говорящего именно к яркинскому диалекту, и поэтому эти несколько слов мы выделяем условно в отдельную группу.

Диалект	Литер. яз.	
<i>тӱи^н</i> , <i>тӱина</i> <i>кӱавгьу^н</i> , <i>кӱав</i> <i>йа хва!</i>	<i>тӱи^н</i> , <i>тӱина</i> <i>дьявгьу^н</i> , <i>дьявгьа</i> <i>кьей хва!</i>	‘есть’, ‘ел’ ‘ругать’, ‘ругай’ ‘фамильное обращение к мужчине’
<i>кӱве^нда</i> , <i>ахкӱве^нда</i>	<i>гуда</i> , <i>ахкуда</i>	‘даст’, ‘отдаст’
<i>кӱвена</i>	<i>гала</i>	‘дал’
<i>гьи^нгь?</i>	<i>гьай</i> , <i>гьа^н</i>	‘да’ (ответ на зов)
<i>уьчӱуьгьу^н</i>	<i>эчӱягьу^н</i>	‘качать’
<i>уьчӱуьгьна</i>	<i>эчӱяна</i>	‘качал’
<i>кӱуьгьуь</i>	<i>шири^н</i>	‘сладкий’
<i>кӱуьрена</i>	<i>цӱрана</i>	‘растаял’

Итак, лексический состав нютюгского говора разнообразен и имеет особенности, отличающие его от литературного лезгинского языка и в некоторой степени от других лезгинских диалектов.

В лексике говора встречается целый ряд слов в форме, зафиксированной в работе П. К. Услара. Однако много слов у Услара записано неточно или вовсе отсутствует. Это относится особенно к собственно диалектизмам или к словам, которые характерны только для яркинского диалекта, таким, как *тӱина*, *кӱве^нда*, *гьи^нгь* и др.

Лексику нютюгского говора характеризуют заимствования из азербайджанского языка, которых нет в литературном языке, например *чһубугьчи*, *гизирчи*, *эрсен*, *кьайчи* и другие, часть которых может перейти и в литературный язык. Русских же заимствований советского периода в говоре меньше, чем в языке литературном. Свидетельством этому является употребление в говоре вместо отдельных русских заимствований, как в литературном языке, слов диалектных или таких русских, значение которых иное, чем в современном языке. Так, вместо слова «банка» в говоре употребляется *кһала*, вместо слова «спички» («спичечная коробка») слово *кһерпһитһ* и др.

ЦИНИТСКИЙ ГОВОР

(в его отличии от нютюгского говора)

Цинитским говором, как было сказано во введении к диалекту, мы условно назвали речь селений Ашага-Цинит, Юхари-Цинит, Цнал, Цлак, Кванцил и Фирит, т. е. шести селений, расположенных в основном в северо-восточной части яркинского магала.

Грамматика и лексика этого говора имеют очень небольшие отличия от таковых нютюгского говора, и нет никакой необходимости останавливаться на том, что является общим между говорами.

Тем не менее в речи этих селений имеется ряд особенностей, которые дают нам возможность выделять ее в самостоятельный говор.

В звуковом составе и фонетических явлениях данного говора нет никаких отличий от предыдущего, за исключением единичных случаев звуковых соответствий, метатезы и т. д.

§ 38. О полугласном *й*. Звук *й* цинитского говора не во всех случаях и не во всех формах произносится ясно в отличие от нютюгского говора, где *й* в падежных и глагольных формах произносится ясно как в середине, так и на конце слов. В формах исходных падежей цинитского говора *й* вовсе не произносится.

Глагольные же формы произносятся с *й* и без него, причем чаще и закономернее произношение с *й*. Приведем несколько примеров: *Абур й а ъ а ъ н а в а а б у р я*, *кхаьмир*, *зи руш* 'Они битые, не трогай, моя дочка!'; *Им хуранава а гьазурди я* 'Это сплетено, готово'; *Ж и й а ъ а ъ д а а веьера жед а мерар* 'На наших лугах (нескошенных) растет ежевика'; *Жи кхифлетхар вири к ъ е н а й* 'Моя семья вся вымерла'; *Им шавли а в у н в а й д и я ахвари* 'Сон его одурманил'; *Яхурни сад лугьудей салди икI хьана* 'Так было до сорок первого года'; *Ам Бахуйраа х т а н в а й д и тий* 'Он приехал из Баку'.

§ 39. Местоимение. В литературном языке местоимение 'наш' выступает в форме *чи*, отсюда и такие субстантивированные местоимения, как *чибур* 'наши', *чиди* 'наш', местоименное наречие места *чина* 'у нас' и т. д. Ту же самую форму данные слова имеют в гюнейском диалекте и в нютюгском говоре яркинского диалекта. В данном же говоре эти слова встречаются в форме *жи*, *жина*, *жиди* и т. д. Употребляются они здесь параллельно с формами литературными, причем преимущественно — представителями старшего поколения:

Эраьтар имни жи райу 'Архит — это тоже в нашем районе'; *Бубайару жи лугьуда*, *акьалтайбуру чи* 'Отцы говорят *жи*, а молодые (букв. 'подоспевшие, подростки') — *чи*'; *Жиди хкана аладажна гадру* тий 'Наше дело заключалось в том, чтобы принести, освежевать (тушу) и отбросить'; *Жина са кьайи булаха ава* 'У нас холодный родник (источник) есть'; *Жи хпер дагьди ава*, *ятхадди* 'Наши овцы в горах, на кошарах'.

§ 40. Об аффиксах исходных падежей. Аффиксы исходных падежей цинитского говора имеют четыре формы. Самым распространенным из них является *-а*, который звучит очень кратко и с своеобразным обрывом голоса в исходе слова, напоминающим гамзу. Иногда гласный этот звучит мягче и с некоторым оттенком глоттизации, т. е. аффиксом исходного падежа выступает уже гласный *аь*.

Такое краткое окончание мы находим и в отдельных причастиях, наречиях и некоторых других частях речи в форме исходных падежей.

Зу Х ъ у к ъ а ъ гьайиди я 'Я взята (замуж) из селения Хукар'; *Ам г ъ а в у р д и к љ а ъ жатъ хьанва* 'Он не понимает больше' (букв. 'он отошел от понимания'); *Булахарина гьарп ата х ъ а ъ ава* 'Здесь кругом есть родники'; *Хтаа к ъ а л а ъ кьулхъти дубъ авурди туш* 'Со дня своего возвращения не делал верно'; *Жи джиби* а ц I у р а д а к љ а ъ зани сав ийида* 'Из того, чем наполнен мой карман, я тоже сделаю, толочно'; *Жи у ъ л у ъ к в а ъ чькада чьнани акIурнава* 'Перед нами (перед нашим домом) и мы посадили'; *Им а н а л а ъ шана кхи* 'Он ведь отсюда ушел'; *Б а л к I а љ д и л а ъ нхуар хутIу* лугьуз иверзавай* 'Звал, чтоб снять с лошади седло'; *Уькхуьнахъаь яр янавайла атуй* 'Пусть придет утром, когда занимается заря'; *ГьикI храда и бур к љ а ъ ?* 'Как же из них сплетешь?'; *Кхичезвейди заз а к љ а ъ я* 'Боюсь я сам себя'.

§ 41. Множественное число имен. По всем населенным пунктам цинитского говора проходит одинаковая форма множественного числа слова *хьвер* 'гмин' с новым показателем множественности *-аьр*: *хьвераьр*.

§ 42. Глагольные формы. Система глагола в обоих говорах в основном не имеет расхождений.

К форме повелительного наклонения III лица, или повелительно-разрешительного наклонения, зафиксированной в нютюгском говоре, в цинитском говоре прибавляется еще форма на *-руй*: *тавуруй* 'пусть не делает'; *кьачхуруй* 'пусть возьмет'; *акуруй* 'пусть видит', 'найдет'; *авуруй* 'пусть сделает'; *лугьуруй* 'пусть скажет'; *гьуруй* 'пусть принесет' и т. д.

В лезгинском языке существует сложная форма глагола, образованная из знаменательного глагола и вспомогательного глагола *лугьун* 'говорить' в формах будущего общего и прошедшего времени. Эта форма приблизительно соответствует русским выражениям «говорит, что пойдет»; «говорил, что пошел» и т. д., причем вместе с изменением времени знаменательного глагола и глагола *лугьун* меняется оттенок в семантике подобных глагольных форм: *лугьудачалда* 'говорит, что не скажет'; *лагьаначалдай* 'говорит, что не сказал' (давнопрош.); *ийидачалда* 'говорит, что не сделает'; *авуналда* 'говорит, что сделал' и т. д.

В цинитском говоре эти глаголы встречаются и с аффиксом *-лдир* вместо литературного и нютюгского *-лда*, но употребляются довольно редко, реже, чем литературные. Значение же этих форм (*кIаадачалдир* 'говорил, что не любит'; *кьедачалдир* 'говорил, что не придет', *жедачалдир* 'говорил, что не будет', ('не произойдет'); *лагьаналдир* 'говорил, что сказал'; *кьедалдир* || *кьедалдий* 'говорил, что пришел' и др.) несколько изменяется они получают оттенок повествовательности.

§ 43. Лексика. В лексическом составе цинитского говора имеется ряд слов, которых нет или которые звучат иначе в нютюг-

ском говоре: *e хвади*, я *хва*—обращение к мужчине; *тIезь* 'пятка' (литер. и нютюг. *даба*^н) *джусуьс хъана* 'узнал', 'услышал' (нутюг. *кIеле хъана*, литер. *хабар хъана*); *хъархъилаг* 'каток для укладки плоских земляных крыш' (литер. и нютюг. *варданаг*); *гъучIу*^н 'отойти', 'спуститься', 'подвинуться' (литер. и нютюг. *звичIу*^н); *кьаь!* — восклицание, для того, чтобы заставить замолчать кого-л.; *ваьа!* (*жечъ ваьа!*) — восклицание при выражении удивления или недоверия (литер. *гъа*, *гъа яма*^н, нютюг. *гъа дава*); *фартар* 'ягода типа черники'; *къа*, *къаяр* 'редька' (литер. и нютюг. *тхурпн*, *тхурпар*) и т. д.

В данном говоре в отличие от нютюгского многих слов нет, например *бугъубугъ* 'овод' (в цинитском говоре есть *буву*^н), *чIиж* 'пчела' и 'оса', *кьучI* 'моль' и 'подмышка'.

ЯЛЦУГСКИЙ ГОВОР

(в его отличии от нютюгского говора)

Ялцугским говором мы условно называем говор селений Хипит, Ялцуг, Кеан, Мехкергар, Хутарг и Чухвер-Кент, расположенных в южной части бывш. яркинского участка, а также селения центральной части бывш. яркинского участка Цмур, Векелар, Алкадар.

Говор, условно названный ялцугским, мы считаем говором переходным от яркинского диалекта к гюнейскому с большим уклоном в сторону первого, почему он и включен нами в яркинский диалект.

В чем же заключаются его отличия от нютюгского говора и в чем выражается переходный характер этого говора?

В фонетике мы не обнаружили особых расхождений с говорами яркинскими, за исключением особого характера полугласного *й*.

§ 44. О п о л у г л а с н о м *й*. В отличие от нютюгского говора в ялцугском полугласный *й* не во всех формах произносится отчетливо. Звук *й* здесь, подобно литературному языку и гюнейскому диалекту, в речи отпадает, за счет него несколько увеличивается долгота предыдущего гласного, т. е. дифтонг «гласный + *й*» превращается в один звук — монофтонгизируется. Такое явление мы имеем в аффиксах исходных падежей (см. «Склонение»), в глагольных формах и т. д. В последних встречаются лишь отдельные слова, когда гласный *й* не монофтонгизируется (см. «Глагольные формы»).

Ам гамунигди, пхердедигди р а с а а кIелиз гъана 'Ее привели в комнату, украшенную коврами, занавесями'; *Къез хъш уз ваади тий, ча^н руш* 'Приходила и уходила (она), милая дочка'; *Яд гъаши суфат чъуьхуьдаа* 'Принеси воду, чтоб помыть физиономию'; *Икъва шезваада якъ кьадани?* 'Столько плачущий разве поправится?' (о ребенке); *Чав яд хвада а шеь гъачий* 'У нас не было посуды для питья воды'; *Бупари ге^н г и з в а а*

чакаяр я ибур 'Это места, где женщины жнут'; *Расъ э къ у ч I д а а пад т у ш и и?* 'Разве (это) не восток?' (букв. 'сторона, где восходит солнце'); *Аш къуьздаа сувзекъ гъаши* 'Принеси дуршлаг для сцеживания риса (для плова)'.
§ 45. Множественное число имен.

В ялцугском говоре к слову *хъераьр* 'тмин' с показателем множественности *-арь* прибавляется слово *маьл* 'помочи' (литер. *мел*). Слово *маьл* по всему говору получает показатель множественности *-арь* в отличие от литературного и нютюгского *-ер*.

§ 46. С к л о н е н и е. Как было сказано, все имена в форме эргативного падежа множественного числа в говорах яркинского диалекта получают аффикс *-у* вместо литературного *-и*: *итимару* 'мужчины' (литер. *итимри*); *аялару* 'дети' (литер. *аялри*); *малару* 'скот' (литер. *малари*) и др.

В формах эргативного падежа множественного числа, а вместе с ним и во всех других падежах в ялцугском говоре как правило встречается литературное *-и*, а не яркинское *-у*. Лишь в отдельных случаях от стариков можно услышать эти формы с гласным *-у*. Приведем несколько примеров в том соотношении, которое имеет место в наших текстах: *бехъери* 'вороны' (эрг. пад.), *и^нса^нри* 'люди' (эрг. пад.), *хузаинри* 'хозяева' (эрг. пад.), *бупариз* 'женщинам', *джегъилрихъ галаз* 'с молодыми', 'с молодежью', *маьманруз* (в Цмуре) 'гостям', *халкъару* (в Чухвер-Кенте) 'люди', 'народы' (эрг. пад.).

Что касается исходных падежей, различие в аффиксах которых также служит критерием для разделения говоров, то здесь мы имеем следующую картину.

Как правило слова в форме исходных падежей всех серий имеют в аффиксе падежей очень краткие гласные *-а*, *-аь* и *-аь*, как и в цинитском говоре: *енадлаь* 'с зятя', 'от зятя', *къейидалаь* 'с умершего', 'мертвого'; *абургаь* 'от них', 'они' (в состоянии или нет); *зафаркнаь* 'из слов', 'со слов'; *джагъунлаь* 'с изгороди'; *инлаь* 'отсюда'; *халкъдикнаь* 'из народа', 'с народа'; *инхаь* 'отсюда' (форма исх. II пад. наречия); *цхлахъаь* 'от стены'; *рушакнаь* 'от девушки'; *абрукнаь* 'от них', 'из них'.

Приведем несколько примеров: *Сад гъуьл уькнаь танса* 'Она разошлась с мужем (ушла от мужа)'; *Ада бабадалаь газ акур са затIни аваади туш* 'От его отца я ничего не видела' (речь идет о наследстве); *Идлаь виликнаь ваа бурлаь гыла разъат хъанва* 'Теперь стало легче, чем тем, которые жили до сих пор'; *За кнаь гыла къуьзу къари хъанва* 'Я теперь превратилась в старуху'; *Чназ цу кнаь дар я* 'Мы испытываем недостаток в воде'; *Им ялгъана була хдила хвааала и вардз акуна* 'Когда, нагнувшись, пил из источника, он увидел этот месяц'; *Фанарди тнаь хататкнаь вучъуз е?* 'Для чего нужна фанера?' (букв. 'фанерная доска'); *Лу гъункнаь хайир авачъ* 'Оттого что говоришь, нет пользы'; *РикI хIана зи гъада*

в а * ц и к н а ъ ъ 'Мне надоел его голос (шум)'; *ИчирикIа ъ ла ъ ъ к ъ а й и яд хвадани?* 'Натощак разве пьют холодную воду?' (букв. 'от пустого сердца').

Кроме этих кратких гласных в исходном I и исходном IV падеже может выступать литературный *a* долгий:

Са кIвал кванни ацIанани ма х а а? 'Хотя бы одна комната наполнилась ячменем?'; *Им С а л и г ъ а т н а г а а г ъ а а д и я* 'Это от Салихат принесли'; *И да а л л а г ъ т и г а а тIа лабна* 'Он попросил у бога'; *Ттедбур кIвелемаз за лугьудаа, яраб б у п а р в а а кIвалахар авуна ак ъ а ъ да жал?* 'Когда я еще жила у матери я говорила (думала), неужели женщины успевают делать все дела?'; *Ви г а ф у н а а з у ак ъ у чIдачн* 'Я тебя не послушаюсь' (букв. 'из твоего слова я не выйду'); *Чна гьикI небаа тийни, вирида са л у ъ к у ъ н а а* 'Знаешь, как мы ели, все из одной миски!'. Исходный IV падеж имеет в аффиксе долгий гласный, по-видимому потому, что иначе форма этого падежа будет совпадать с формой местного IV падежа, который оканчивается на краткий гласный *-a*, а по функциям своим резко отличается от исходного падежа.

§ 47. Глагольные формы. В глагольных формах данного говора бросается в глаза особенность, отличающая их от яркинского диалекта и приближающая к гюнейскому диалекту.

Как было сказано при описании нютюгского говора, характерной особенностью яркинского диалекта является переход гласного *a* аффиксов некоторых глагольных времен и наклонений в *e*. Этого перехода в ялцугском говоре нет, в результате чего многие глагольные формы этого говора не отличаются от соответствующих форм гюнейского диалекта.

Как было сказано при описании нютюгского говора, характерной особенностью яркинского диалекта является переход гласного *a* аффиксов некоторых глагольных времен и наклонений в *e*. Этого перехода в ялцугском говоре нет, в результате чего многие глагольные формы этого говора не отличаются от соответствующих форм гюнейского диалекта.

Ялцугский	Нютюгский	Литер. яз.
<i>лугьудаа</i> 'говорил'	<i>лугьудей</i>	<i>лугьудаа</i>
<i>эк ъ у чIзаваа</i> 'вырастал'	<i>эк ъ у чIзавей</i>	<i>эк ъ ечIзаваа</i>
<i>ак ъ уднаваади я</i> 'выходит', 'выходящий'	<i>ак ъ уднавейди я</i>	<i>ак ъ уднаваади я</i>
<i>аваа</i> 'был'	{ <i>авай</i> <i>авей</i>	<i>аваа</i>
<i>жедаа</i> 'бывало', 'случалось'	<i>жедей</i>	<i>жедаа</i>
<i>гудаа</i> 'давал'	<i>гудей</i>	<i>гудаа</i>
<i>хвадаала</i> 'когда нил'	<i>хвадейла</i>	<i>х ъ вадаала</i>
<i>рахаатIа</i> 'если будет говорить'	<i>ре хейтIа</i>	<i>рахаатIа</i>
<i>басламиидааваал</i> 'как начать'	<i>басламиидейваал</i>	<i>башламиидааваал</i>

В некоторых селениях, например в Цмуре, от престарелых людей можно услышать отдельные глаголы с гласным *-e* в аффиксе: *храдей* 'взял'; *жедечн* 'не будет', 'не произойдет'; *кIладечнIа* 'если не хочешь'. В подобных формах *й* произносится ясно.

В отношении всех других аффиксов временных форм и наклонений между ялцугским и нютюгским говорами нет никаких расхождений.

§ 48. Лексика. Лексика данного говора характеризуется всеми специфическими чертами, которые присущи лексике яркинского диалекта. Отличающиеся слова в основном делятся на те же группы, что и в нютюгском говоре. В ялцугском говоре нет ряда слов, зафиксированных в нютюгском и цинитском говорах; некоторые слова в ялцугском говоре звучат иначе по сравнению со словами того же значения двух последних говоров. В говоре есть также новые слова.

В ялцугском говоре нет, например, слов *фартар* 'вид ягод типа черники', *хамзар* 'вид ягод типа ежевики'. Пиявки здесь называются *зиляр*, как в литературном языке, а не *ругьвалар*. Для лейки и мыши есть разные названия — *кьиф* и *кьиф*, а не одно слово *кьиф* | *кьухь*, как в предыдущих говорах; здесь есть слово *хуз* для обозначения осы и т. д.

Ряд слов звучит своеобразно, отлично от тех же слов двух предыдущих говоров: *кIуф ъ е*, *тھےм ъ е*, *пIах ъ е* 'поцелуй!' (литер. и нютюг. *тھےм ъ е*, *пIаг ъ е*); *ахвараа кьватIу** 'прошнуться' (литер. и нютюг. *ахвараа аватну**); *ивиждаа затI* 'цесулька' (литер. и нютюг. *суьзмиидаа затI*); *джилекьар* 'капкан', 'западня' (литер. и нютюг. *желе*, *ракьар*); *вечьре шаг ъ а ягьу** 'кудахтать' (литер. и нютюг. *вечьре к ъ а к ъ ра ягьу**).

Слова, которых нет в других говорах: *сарнидж* 'вид медного кувшинчика'; *к ъ араха* 'халва из орехов и меда'; *шурва** *чухьверар* 'сорт груш, которые при созревании приобретают темный цвет'; *кьудура** 'черный мазут', 'смола'.

ВЫВОДЫ

Для яркинского диалекта характерны следующие черты, сконцентрированные в двух собственно яркинских говорах — нютюгском и цинитском.

1. Довольно резкое отличие звукового состава диалекта от звукового состава литературного языка.

В нем имеются гласные *а ъ* (гортанный) и *аа* и согласные *гг*, *ггв*, *х ъ в*, *гI*, *хI*, *дж*, *дз*, которых нет в языке литературном.

Первые согласные — *гг*, *ггв*, *х ъ в* — являются фонемами. По сравнению с соседним гюнейским диалектом здесь есть звуки *й*, *гг*, *ггв*, *х ъ в*.

В яркинском диалекте нет гласного *o*.

2. Наличие соответствий между диалектом и литературным языком в употреблении целого ряда гласных и согласных: *ей* || *aa*, *e* || *a*, *аь* || *a*, *a* || *e*, *a* || *u*, *a* || *y*, *уь* || *y*, *уь* || *u*, *б* || *n*, *д* || *m*, *г* || *k*, *к* || *g*, *гг* || *g*, *г* || *z*, *г* || *в*, *дз* || *z*, *дж* || *ж*, *к* || *ц*, *кI* || *цI*, *n* || *p*, *хь* || *ф*, *хьв* || *ф* и др.

3. Полная и частичная ассимиляция гласных, в основном регрессивная, в результате которой возникает гармония гласных.

4. Отклонение от назализации гласных.

5. Любопытен характер звука *й* в именных и особенно глагольных формах исследуемого диалекта. Звук этот здесь произносится в основном ясно, а под его влиянием гласный компонент аффикса падежей и глагольных форм *a* продвигается вперед, переходя в *e*, *u*.

6. Отличительной чертой диалекта является полногласие в ряде именных и глагольных форм (*айалару* 'дети', литер. *аялри*; *гадааруз* 'мальчикам', литер. *гадаариз*; *авазава* 'есть', литер. *авазва* и др.), а также наращение гласных, как приставочных, так и вставочных (*сумхха* 'брат', литер. *стхха*; *ашкаф* 'шкаф', литер. *шкаф* и т. д.). Редукция и выпадение гласных здесь, наоборот, явление редкое.

7. Перестановка звуков, особенно сонорных, которая имеет место в словах данного диалекта, помогает в отдельных случаях установить первоначальную форму слов или, если они заимствованные, исконную их форму. Иногда выясняется, что метатезе подверглась не диалектная, а литературная форма.

8. Говоря о наращении согласных в яркинском диалекте, прежде всего следует отметить наращение во многих словах гортанного звонкого щелевого *gI* (араб. *айн*). Причем наращением согласного это явление можно считать только по отношению к тем же словам литературного языка. В работе же П. К. Услара они приводятся с гортанным *gI*, как и в языках, откуда многие из этих слов заимствованы. Это дает основание считать диалектные формы в данном случае менее подвергшимися изменению и более древними. В словах же *йаьабана* 'бил', *наьабани* 'вечер' в данном диалекте *аь* глоттизованный и несколько долгий в середине слов. Приведенные П. К. Усларом формы — *йаьна*, *наьни* и другие — в яркинском диалекте не встречаются.

Характерно для диалекта и наращение некоторых других звуков: *n*, *гь*, *гь* и др.

9. Яркинский диалект отличается делябилизацией смычно-гортанного *mI* и смычного *m*.

10. К любопытному заключению приводят факты замены в диалекте форм местного IV падежа многих имен формой активного (эргативного) падежа. На материалах данного диалекта можно сделать предварительный вывод о первичности формы активного, а не местного падежа.

В диалекте обнаруживаем еще один показатель множественности *-аьр*, который отсутствует в литературном лезгинском языке.

11. Глагол яркинского диалекта характеризуется наличием гласного *e* в аффиксе многих глагольных времен и наклонений, где в литературном языке стоит звук *a*. Целый ряд глаголов имеет отличную от литературной форму повелительного и отрицательного наклонения.

Особенностью яркинского диалекта является раздельный характер сложных глаголов, в отдельных случаях даже тех, которые в литературном языке и соседнем гюнейском диалекте стали монолитными, как бы простыми глаголами.

12. Для морфологии яркинского диалекта характерно также наличие разного рода служебных слов и сочетаний (частицы, послелогои и др.) и модальных слов, которых нет в литературном языке. Некоторые из них не обнаружены также ни в одном из других диалектов.

13. Расхождения синтаксического порядка исследуемого диалекта крайне незначительны и не определяют диалекта.

14. Лексика диалекта имеет ряд особенностей, отличающих его как от литературного лезгинского языка, так и от других диалектов и говоров. Кроме слов, по характеру своих отличий от литературного языка разбитых на четыре группы, здесь имеется круг слов, характерных в данной форме только для яркинского диалекта: *mIina* 'съел', *гьи*гь?* — отклик на зов и т. д.

15. Эти признаки характеризуют речь жителей территории бывш. яркинского участка, ныне населенных пунктов, входящих в Касумкентский и Хивский районы. Сумма всех этих признаков дает основание выделить речь этих населенных пунктов в особую диалектную единицу лезгинского языка под названием яркинский диалект.

На всей территории распространения этого диалекта нет одного или группы аулов, речь которых более или менее резко расходилась бы между собой. Здесь нет таких явлений, как, например, в диалекте гюнейском, где в центральную часть диалекта вклинились два селения (Гиляяр и Койсун), речь которых имеет резкие отличия от речи всех других окружающих их селений и которая выходит поэтому за пределы гюнейского диалекта, приближаясь к кубинскому наречию (гиляярский самостоятельный говор).

Сравнительная однородность говоров яркинского диалекта дает право назвать данный диалект однотипным. Лишь в пунктах, где он граничит с гюнейским, идет полоса говоров переходных (стальский говор гюнейского диалекта и ялцугский говор яркинско-го диалекта).

Сердцевиной яркинского диалекта следует считать говор, названный нютюгским, ибо в нем сосредоточены все основные особенности, присущие всем другим говорам, а следовательно и

диалекту в целом. Яркий диалект по своим фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям стоит ближе всего к гюнейскому диалекту, что объясняется прежде всего их территориальным положением. Оба диалекта граничат друг с другом и местами как бы вклиниваются один в другой. Понятно поэтому, что диалекты, расположенные на территории бывш. Кюринского округа, ближе друг другу, чем к другим, более отдаленным диалектам.

Известная работа П. К. Услара²⁰ является описанием не гюнейского и не яркинского диалекта, а смешанного говора, причем в работе, при всей ее ценности, есть ошибки, неточности, неверные положения и т. д. Говора в таком виде, как он описан П. К. Усларом, в лезгинском языке не существует. Одной из причин такого смешения некоторых фактов языка и теоретических положений в работе П. К. Услара, а потому и несовпадения этого говора ни с одним из существующих диалектов и говоров языка, является то, что осведомитель П. К. Услара Казанфар был родом из яркинского магала, а проживал в местечке Мамраш на территории гюнейского диалекта.

Наличие специфических аффрикат *дж*, *дз*, спирантизованного *гг*, лабиализованных *ггв* и *хъв*, исчезнувших в литературном языке и частично в других диалектах, наличие здесь первичных звонких смычных вместо их глухих коррелятов во многих формах литературного языка, особенности в склонении имен и образовании глагольных форм, а также некоторые особенности лексики дают возможность считать яркинский диалект одним из реликтовых диалектов лезгинского языка, сохранившим в целом ряде случаев древние черты лезгинской речи.

КУРАХСКИЙ ДИАЛЕКТ

Речевая единица, названная нами курахским диалектом, до последних лет оставалась совершенно неизученной. Этот диалект, получивший свое название от названия бывш. Курахского участка Кюринского округа (сейчас Касумкентского района ДагССР), где в основном распространен этот диалект, впервые был исследован нами в 1959 г. Материалы по этому диалекту хранятся в Рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Относясь в основном к кюринскому наречию, по некоторым своим особенностям курахский диалект занимает, однако, промежуточное положение между кюринскими и самурскими диалектами, хотя черты переходности в нем не столь ярко выражены, как в докузпаринском диалекте — диалекте самурского типа.

²⁰ П. К. Услар. Указ. соч.

Курахский диалект занимает долину р. Курах-чай, начиная от селений Кабир и Икра и выше — селения Эхниг, Кутлар (*Кутлар*), Кочхур (*Къуьчхуьр*), Штул, Кумук (*Къумухъ*), Курах (*Къурагъ*), Хпедж, Ашакент (*Ашанхуьр*), Кукваз (*Къукваз*), Хурехур (*Хуьрехуьр*) и др.

Курахский диалект вклинился длинной полосой между гюнейским, яркинским и ахтынским диалектами. С северо-запада курахский диалект граничит с гелхенским смешанным говором, за которым следует территория агульского языка. Селение Гелхен является самой западной точкой распространения лезгинского языка.

Курахский диалект состоит из трех говоров, основным из которых является собственно курахский, объединяющий речь населенных пунктов Курах, Кочхур, Хпедж, Штул, Кумук, Ашакент, Эхниг, Кутлар. Речь каждого входящего в говор населенного пункта также имеет свои интересные черты. Так, речь жителей с. Штул в отличие от речи жителей сел Кочхур и Хпедж, близка к гюнейскому диалекту. Второй говор — хурехурский — охватывает речь жителей селений Хурехур и Кукваз; третий, последний говор — кабирский, куда входит речь жителей селений Кабир и Икра.

Основные отличительные особенности этих говоров перечислены ниже. Описание же самого диалекта дано без деления на говоры, что по отношению к данному диалекту представлялось более целесообразным. Однако в некоторых случаях уточняется, к какому говору относится описываемое явление.

Территория бывш. Курахского района, где распространен курахский диалект, в языковом отношении являет собой образец пестроты и неоднородности.

Кроме курахского диалекта и гелхенского самостоятельного смешанного говора лезгинского языка здесь представлен агульский язык, на котором говорят жители населенных пунктов Усуг, Хпюк, Укуз, Хюредж, Квардал, а также лакский язык, на котором говорят жители селения Бурши-Мака, в настоящее время почти целиком переселившиеся на равнину — в с. Советское Касумкентского района.

На территории курахского диалекта представляют интерес некоторые этнонимы и народные легенды.

Так, название Курах (*Къурагъ*) означает 'сухой'. Сведения о происхождении этого названия можно найти в легендах, где говорится, что селение Курах возникло из остатков старинного города Гиар (*Гиар шегьер*) и шести окрестных сел — *Чъветлар*, *Сернагьар*, *Юрхьвар*, *Цъуьцъухуьр*, *Чъырьхуьр* и *Хъыкъвазар*, разоренных до тла иранскими захватчиками. Легенда гласит, что войска Надир-шаха согнали детей, женщин и стариков этих селений и пустили на них табуны диких лошадей. Реки крови текли по земле, иссушая ее. На этой мертвой земле и было затем основа-